

Татьяна Соломатина

**Девять месяцев, или «Комедия
женских положений»**

«Автор»

2010

Соломатина Т. Ю.

Девять месяцев, или «Комедия женских положений» /
Т. Ю. Соломатина — «Автор», 2010

Что может быть общего у топ-менеджера интеллектуальноёмкого бизнеса и звезды телесериалов? У врача, работающего в государственном лечебном учреждении, и у адептов тантрических практик? Да всё, что угодно. Во-первых, все они люди (даже если опрометчиво мнят себя богами), и ничто человеческое... Включая привычки, характеры, судьбы. Во-вторых, героини романа «Девять месяцев» – женщины. А женщина – очень отличная от мужчины форма жизни. У мужчин частенько создаётся иллюзия, что это именно они правят миром, руководят делами, диктуют условия, выбирают себе жену. Но если хоть один из них всерьёз и надолго поверит в то, что он способен переиграть женщину в чём угодно, пусть вспомнит, что на свет вылупился не из лингама, а был рождён самой обыкновенной женщиной. И очень может быть – в самом обыкновенном родильном доме нашего (или вашего) города. После того как главное за мужчину в очередной раз сделано женщиной, ему остаётся всего лишь: вырасти; построить дом; посадить дерево; подарить унитаз фонду «Искусственная почка» и воспитать дочь – очередную участницу бесконечной комедии женских положений... Так «про что» книга? Про женщину. Про Беременную Женщину. Именно про ту, в чью сторону вы сегодня фыркнули: «С таким пузом дома надо сидеть!» А ей вот не сидится...

© Соломатина Т. Ю., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Юрьевна Соломатина

Девять месяцев, или «Комедия женских положений»

Глава первая

Старший ординатор Софья Константиновна Заруцкая. Ординарное

В дверь малой операционной просунулась голова молоденького интерна. Точнее, молоденькой:

– Софья Константиновна, вас вызывает начмед. Срочно! – подобострастно-исполнительно, чуть громче шёпота зарделась голова.

Интересно, вызывают как Софью Константиновну или как старшего ординатора? Скорее – всех сразу. Как всегда!

Подобострастие же головы точно относилось ко всему сразу, включая интерьер хирургического помещения (к коему юные интерны сначала и недолго относятся как к святилищу, чистилищу и прочему, недоступному осознанию, чем и внушающему мистический ужас вкупе с благоговением). Так срочник первого года службы обращается к старослужащему, сообщая, что того вызывают к командиру части. Втайне радуясь, что вызывают не его. Вот просто бежал по плацу (по коридору лечебного учреждения), а тут – бац! – полковник (начмед). Майоры редко бывают командирами частей. А генералы – заместителями главных врачей даже в военных госпиталях – ещё реже. Так что если и приравнивать к воинскому званию начальника медицины (не правда ли, именно так любой из вас расшифрует слово «начмед»?), то, пожалуй, только к полковничьему.

Софья Константиновна была пока всего лишь капитаном – и должна была немедленно кинуться исполнять устно переданный приказ. Но не кинулась. Не потому, что заподозрила салагу в слабоумии или – что ещё безумнее – в розыгрыше. Нет. Лечебное учреждение – в одну из малых операционных которого просунула голову молоденькая интерн – было самое что ни на есть гражданское, так что, пожалуй, ни к чему эти пассажи о воинских званиях и субординации. А то вы ещё подумаете, что в родильном доме вертикаль власти похлеще армейской! Если уж и делят с кем военные право дисциплинарного первенства – то скорее с монастырскими. У тех-то вертикаль всё же повыше заканчивается. Если вообще заканчивается...

Однако вовсе не из-за этих туманных соображений Софья Константиновна не побросала инструмент в лоток и не понеслась, теряя белые моющиеся тапки, к начальству. И не только не понеслась, но даже и не разогнулась, не шевельнулась и вообще никак не отреагировала на сакрально-придыхательный шёпот из-за двери. Дело в том, что в означенный момент времени она выполняла амниоцентез. Манипуляцию не то чтобы слишком сложную, но весьма и весьма кропотливую. И от ловкости и точности её, Софьи Константиновны, рук зависели, некоторым буквальным образом, жизнь и здоровье будущей матери и внутриутробного плода.

Зато ассистировавшая Софье Константиновне акушерка – эдакий старый служивый – тут же зашипела в сторону двери. Впрочем, тоже – не повернув даже головы. Эти старые «прапорщики» на горячих точках женского организма уже не одну собаку зажарили и врагам рода человеческого скормили. И с генералом своё «ты» заслужили, когда вместе ржавые гайки на

дореволюционных рахмановках закручивали по ходу пьесы. Не то что сейчас – от лучших европейских производителей – всё в никеле и нано-заклёпками простёгано. Да ни один генерал с таким прапорщиком рюмку преломить не погнушается! Не то что там «ты» да «вы». Не в официальной, конечно, обстановке...

Нет, не так! Прицепились ко мне эти армейские хуже банного листа с распаренного берёзового веника! Если так дело пойдёт, придётся все колонтитулы под погоны стилизовать. А это нам – мирным гражданским авторам – совершенно ни к чему. Так что попробуем-ка ещё раз и сначала.

В дверь малой операционной одного из родовспомогательных учреждений нашего города (или, быть может, вашего?) просунула голову молоденькая интерн:

– Софья Константиновна, вас вызывает начмед. Срочно!

– Закрой дверь с той стороны, Анечка! – не поворачивая головы, прошипела интерну ассистировавшая доктору акушерка.

Молоденькая интерн испуганно захлопнула дверь. Не только не пискнув, но даже не подумав, что она не какая-то там Анечка, а самая что ни на есть Анна Владимировна. Врач-интерн! И никаких, пожалуйста, тыканий!

Всё это молоденькая Анечка додумывала уже по дороге, стремительно несясь к ближайшему на этаже «белому другу».

Девушка она была умная и прекрасно отдавала себе отчёт в том, что отчество надо ещё заслужить! Отчество приходит со знанием ремесла, с чувством юмора и с умением ориентироваться в уместности того или иного действия с учётом особенностей конкретной обстановки. Но, как говорится, в субординацию вживайся, а сам не плошай.

– «Срочно!» Слыхала? – возмущённо комментировала тем временем акушерка, давно заслужившая своё «тыканье» докторам во время бое... хирургических операций и манипуляций, но, конечно же, ни в коем случае не на обходе или при родственниках беременных, рожениц и родильниц. – Совсем эти молодые мышей не ловят. Видит, что ты занята, так нет...

– Да перестань, Лен. Наш драгоценный Павел Петрович в пароксизме очередного начальственного пыла вспомнил, что именно меня недостаточно сильно проработал сегодня на пятиминутке. Анна Владимировна же, скорее всего, просто мимо него пробежала. Возможно даже, – Софья Константиновна сделала «страшные глаза» и продолжила клоунским шёпотом, – без шапочки! Он на неё и рывкнул. И послал. Когда он на меня рычал на первом году интернатуры, я тоже пугалась и бездумно неслась исполнять всё, что он приказывал. Ну, или почти всё. – Доктор неподобающим для её звания и формы одежды образом хихикнула, как смешливая девчонка.

Пока они переговаривались, Софья Константиновна закончила работу. Акушерка с бряцаньем вернула инструменты в лоток, за что удостоилась укоризненного взгляда. Очередного в ряду бесчисленных. Но иных акушерок не переучить. Никак. Ничем. Ни за какие коврижки. Зато Лена умела работать. Хотя, конечно, это зловещее бряцанье... Им-то, медработникам, стук металла о металл – привычный фоновый шум. Как живущему окнами на Кутузовский – «манок» на «слуг народа». А пациентам этот звукоряд – как таксисту уездного городка, за рулём своей ржавой консервной банки впервые очутившемуся на том же Кутузе вечером пятницы. Шокирует не знание о разнообразных сторонах мира – каждый хоть раз в жизни да

чувствует себя перебежчиком или беглецом. Шокирует сам факт пересечения границы этих миров. И не психику, а скорее моторику.

Но стоит ли слишком отвлекаться от повествования, дабы пуститься в плавание по океану никому не интересных рассуждений в век, когда читатель требует захватывающего сюжета, экшена и страниц, щедро удобренных упакованными трупами с разной степенью циничной иронии в оптимистичном анамнезе? Не стоит. Врачи – рабы своих ремесленных привычек. Пациенты – пленники своих разнообразно-одинаковых страхов. Читатели – узники привитых эпохой потребления и метрополитена стереотипов. А писатели...

*Постоянство не заслуживает ни похвал, ни порицаний, ибо в нём
проявляется устойчивость вкусов и чувств, не зависящая от нашей воли.*

Это не я. Это Ларошфуко.

Философы-утописты, помнится, утверждали, что, когда колбасы и дров будет хватать на всех, сытые обыватели примутся за изучение красивого, изящного и вечного. И заструится повсеместно мирра счастья и благоденствия... Ан нет! Колбасы вдоволь, а мы, как и прежде, – кто бряцает, кто пугается, а кто предпочитает криминальные и любовные истории максима и сентенциям. Вот и правильно! Ибо *нет ничего глупее желания всегда быть умнее всех*. Это опять он, Франсуа де Ларошфуко, и пусть не пеняет, что его уже почти никто не читает. Всегда можно списать на всё ещё недостаточное количество колбасы. Брауншвейгской, например. Или трюфелей. Возможно, утописты просто-напросто ошиблись продуктом. Именно трюфелей (желательно чёрных) должно хватать абсолютно всем, чтобы мы уже наконец стройными кафедральными рядами засели за Бердяева с Конфуцием. А поскольку мать-природа не способна выдавать на-гора такое количество деликатесной плесени, то и эта утопия неосуществима. Впрочем, как и любая другая. На то она и утопия.

«На-то-о-на-и-уто-пи-я!»

Правда, звучит очень музыкально? Если произносить плавно и быстро, несколько раз подряд – хорошее упражнение на дикцию, мне кажется...

Прошу прощения. Продолжим. Внимание читателя не должно утрачивать *нить* повествования. Иначе *ткань* повествования утратит свою эластичность и крепость. Что, как нам всем – в той или иной степени домашним хозяйкам – доподлинно известно, – превратит её в *рваницу* повествования.

– Сейчас мы вам введём спазмолитики, – обработав переднюю стенку живота дезинфицирующим раствором, обратилась Софья Константиновна к пациентке. – И два часа, пожалуйста, вообще не вставайте. Захочется в туалет – утка. Никаких ложных стеснений. Полный двухчасовой покой в абсолютно горизонтальном положении, и никаких даже попыток принять вертикальное, как бы прекрасно вы себя ни чувствовали. Прямохождение – зло! Во всяком случае, для вас в ближайшие сто двадцать минут. Прокол плодного пузыря всё-таки примерно в одном проценте случаев заканчивается выкидышем. Да-да, я намеренно вас пугаю сейчас. Чтобы всё у вас было в порядке потом.

– Не волнуйтесь, доктор, – женщина была лет на десять-двенадцать старше самой Софьи Константиновны и потому смотрела на своего врача отчасти сочувствующе. – Два часа так два часа. Я бы и больше лежала, если надо. А когда будут результаты?

– Примерно через месяц. Взять околоплодные воды на анализ – несколько минут. А вот пока лаборатория разберётся со всеми исследуемыми хромосомами... Старайтесь не думать о плохом.

– О, я уже научилась ни о чём не думать. – Она улыбнулась. Естественно, а вовсе не вымученно или там иронично-снисходительно, мол, вам бы, милочка, такие огонь, воду и медные трубы, знали бы, почём фунт приобретённых медитативных техник!

«Эх, будь все пациентки такими добрыми тётушками... И почему именно вменяемым не очень-то, как правило, везёт даже в таком обыденном деле, как воспроизведение себе подобных?» – подумала Софья Константиновна и улыбнулась пациентке в ответ. Тоже от души, а не потому, что положено этикой и деонтологией.

- Я к вам скоро зайду.
- Спасибо, доктор.
- Не за что. Это моя работа.

Софья Константиновна сняла перчатки, вымыла руки и вышла в коридор. За ней засе-менила акушерка.

- А что у неё?
- Да ничего особенного. Возрастная беременная. Муж старше на двадцать лет. У сестры мужа роды плодом с синдромом Дауна в анамнезе. Так что околоплодные воды забираем исключительно с диагностической целью в данном случае, слава богу.
- Спокойная, как слон. Бабы обычно заполошные. Боятся, мельтешат, за руки хватают, болтают. А эта... Как будто она тут сама врач!
- Ох, Лен. Тебе ли не знать, что бабы разные. Эта поступала, как раз когда я дежурила. Вот тогда она отчего-то болтливая была. Можешь мне поверить, там не жизнь, а «Сага о Форсайтах». Так что я верю в то, что конкретно эта «баба» способна контролировать свои мыслительные и эмоциональные шлюзы. Настоящая леди.
- О чём сага, Сонь?
- О Форсайтах... Проще говоря – о жизни, любви и бабле, Лен.
- И кто победил?
- Ты будешь смеяться – любовь. Ну, и наследство до кучи тоже никуда не делось. Так что молодым, красивым, счастливым и богатым в любой саге быть приятно.
- О! Это хорошо. Почитаю. Кто автор?
- Голсуорси.
- Не знаю такую. Их столько развелось, этих «писательниц номер один в России»! Легко хоть читается-то?..

Только было Софья Константиновна собралась ещё поумничать и поехидничать вдоволь, как вспомнила: а) цитату из Ларошфуко про глупость – *см. чуть выше*; б) что лучше Елены Борисовны роды, например, в заднем виде затылочного предлежания никто не принимает в обозримом пространстве настоящего времени данного лечебного учреждения, – вон они, её дети, по улицам ходят и уже своих рожать приводят, а от Нобелевских лауреатов в области литературы только и толку, что кирпич, семидесятимиллиметровый в корешке, на полке пылится; и в) что её саму, старшего ординатора наблюдательного отделения Софью Константиновну Заруцкую, хочет срочно видеть заместитель главного врача по лечебной работе Павел Петрович Романец, а она тут мозги пудрит!

– Ладно, Лен, хорош болтать. Пиши сопроводилочку к пробирке с околоплодными водами, а я пойду, предстану пред заплывшие очи нашего всего. Что там опять не слава богу? Вроде никаких чрезвычайных происшествий на моих личных производственных фронтах.

Напротив – зловещая безоблачность. Ну да Пал Петрович всегда найдёт за что. Может, оно и к лучшему? – риторически спросила Соня скорее у стен родного лечебного учреждения, чем у акушерки, и отправилась в подвал. На сакральное действо, позволяющее никотинозависимым особям упорядочивать чувства и мысли. Плюс-минус пять минут всё равно ничего не решали в этой давней взаимной неприязни.

Назвать отношения Софьи Константиновны и Павла Петровича не самыми дружелюбными – одно, что высаживать клубнику на полигоне для наземных ядерных испытаний. Или их уже давно запретили?.. Не помню. Однако выпивать литр водки и выкуривать пару пачек сигарет в день мне кажется в сравнении с этой «клубничкой» прямо-таки здоровым образом жизни. Так что пока Соня курит в подвале (напоминаю, что курение вреднее, скажем, плавание или шашек, хоть и полезнее радиации), наверное, самое время рассказать об анамнезах участников нашего повествования подробнее.

Софья Константиновна Заруцкая, молодой врач (а врач хирургической специальности может считаться молодым до самого пенсионного возраста), родилась в срок, живой, доношенной, женского пола, с положенными окружностями головы и груди. Да. И у младенцев есть свои должные, выданные природой и предписанные нормативными актами окружности. Выросла Софья в меру красивой (просто словосочетание) и практически здоровой (диспансерная формулировка). Всё это произошло с ней, несмотря на:

1) плановые вакцинации;

2) своевременно перенесённые: ветрянку, краснуху, корь, эпидемический паротит, ОРЗ, ОРВИ и даже, да простит меня Софья Константиновна за столь брутальную подробность, – аскаридоз – годика эдак в три.

(Автор уверяет вас, что даже у наследных принцев бывают совершенно обычные человеческие напасти вроде корочек на голове в младенчестве и фурункулёза в подростковом возрасте – ничего ужасного в этом нет. Королевская и прочая родословная наследственность при этом ни в коей мере не страдают. Голубая кровь не зеленеет. А русые кудри – не вянут. И если вы считаете, что вам удалось избежать в раннем детстве какого-нибудь не слишком злобного гельминтоза, так знайте – скорее всего ваши родители этого просто не заметили. А запоздалую благодарность можете выразить вашему иммунитету, самостоятельно изгнавшему всяческих паразитов из подведомственного организма. Ну, может, ещё и тем горбушкам, натёртым чесноком, что вы с удовольствием поедали на каникулах у бабушки, перехватывая между «официальными» трапезами. Не правда ли, это незамысловатое яство казалось в том блаженном, навсегда ушедшем из вашей жизни времени изысканнее любых трюфелей? А кинофильм «Спартак» в провинциальном кинотеатре (и чтобы непременно – «Родина») – куда мудрее изысканных максим?);

3) вечно занятых родителей (замечательного подвига «обыкновенные» – не то инженер и учитель, не то учитель и инженер);

4) самую обыкновенную школу, редкие четвёрки по алгебре и частые тройки по физкультуре (но вовсе не из-за плохой физической подготовки, а из-за необъяснимой неприязни учителя физкультуры, и вряд ли хоть кто-то из читающих это скажет, что ему подобный феномен неизвестен), сборы макулатуры и металлолома, сборы отряда, дружины и комсомольские собрания, городские, областные олимпиады по химии, физике и английскому языку);

5) положенные подросткам ломки характера и гормональные стрессы первых влюблённостей. Канувших в небытие, но закаливших волю, характер и уверенность в себе. (Софья Заруцкая с самого юного возраста обладала редкой для нашего брата (читай: «сестры») особенностью: она справедливо полагала, что если что-то не срослось, то вовсе не потому, что она плоха: глупа, слишком умна, толста, тоща, недостаточно/слишком красива или не в меру эмоциональна/холодна, – а лишь потому что «сам дурак!». А если вы с ней не согласны, то вам – на курсы стремительного повышения самооценки. И бегом!)

Позже Соня выучилась на отлично (красный диплом по специальности «лечебное дело») и получила просто-таки прекрасное распределение (на прохождение интернатуры по специализации «акушерство и гинекология») в один из родильных домов нашего (или всё-таки вашего?) города. Софья Заруцкая любила свою специальность, бывала иногда не в меру энергична и всегда была – сверх всякой меры – любознательна (и, увы, любопытна).

К двадцати девяти годам Софья Константиновна состояла штатным акушером-гинекологом (и даже старшим ординатором, единожды сертифицированным и дважды квалифицированным) наблюдательного отделения, врачом первой категории и имела застарелый хронический вялотекущий, периодически обостряющийся конфликт с начмедом.

К тридцати – своему настоящему состоянию (status present) – она вышла замуж по большой любви за хорошего человека. Мужчину, разумеется. Нет, я не фантастику пишу. Правда, она вышла замуж. Истину глаголю, только к тридцати годам. Вот вам крест – за хорошего человека-мужчину. Оба они – молодые супруги – были заняты, пожалуй, куда больше Софьиных родителей в своё время, так что остававшейся от работ свободы им хватало для личного счастья, но такая неизвестная, как ребёнок, пока никак не помещалась в это прекрасное уравнение. И хотя и Софьины родители, и мужнины мама с папой (особенно мама!) находили время – благо и те и другие были уже на заслуженном отдыхе – поговорить на вечную тему: «Хочется внуков поняичить!», им самим – и Соне, и её супругу – не особо хотелось срочно обзаводиться потомством. Точнее – они не знали, хочется или нет. Зато хорошо знали значение слова «поняичить», отличное по сути от слова «растить».

Это игрушечное «поняичить» – синоним пресловутого «иногда». А «растить» – это уже полноценное железобетонное «постоянно». Как-то так. Контекстно, разумеется.

Скажем прямо – им было так хорошо вдвоём, что ни о чём другом они не задумывались. Говорят – проходит со временем... Но говорят, что и кур доят! Посмотрим. А пока так.

Они не были ни чайлд-фри, ни «адептами» всяких прочих «продвинутых» и подогнанных под общечеловеческую лень и безответственность идеологических технологий. Просто супруги пока предохранялись. Потому что когда ты привык утром вставать, идти на любимую работу и отдаваться там целиком и полностью делу, а потом, приходя домой, отдаваться целиком и полностью обожанию друг друга, чтобы часам к двум ночи вспомнить, что у него проект горящий не сдан, а у неё доклад на конференцию не подготовлен, то внуки жаждущих праотцов... то есть – собственные дети... пока никуда не помещаются. И даже не дети, а всего лишь один-единственный ребёнок для начала. Но и к одному-единственному начальному ребёнку надо подготовиться (планирование беременности, все дела! Акушер-гинеколог Софья Константиновна или кто?!). Ребёнка надо осмысленно зачать – не спяну же после вечеринки или не в меру романтического ужина?! Беременность надо выносить в полном соответствии со всеми правилами должного режима сна и отдыха, питания и чёрт знает чего ещё. И уж точно беременной не место в акушерско-гинекологическом стационаре (в смысле – в качестве активного сотрудника), а менять своё отвоёванное почётное звание старшего ординатора отделения стационара на врача женской консультации Софья Константиновна не собиралась. Муж не то чтобы не хотел продолжения рода... Будем честны – хотел. У мужчин между тридцатью

и сорока частенько появляется эта нелепая инстинктивная тяга к отцовству, но в его сознании сама Соня была ребёнком, и ему вполне доставало нянчиться с ней в совместно свободное от разделяющих их работ время. К тому же Софья Константиновна справедливо полагала, что роды – это больно для тела, дети – больно для нервов, а «растить» – это вообще постоянные муки для психики и здоровья в целом. Одни переживания гипотетических несчастий и кошмаров в сослагательном наклонении, как представишь!.. В конце концов, она уже имела некоторый, весьма немалый, опыт наблюдения за родовыми актами и участия в этих самых родовых актах (зачастую – весьма инвазивного, прямо скажем, участия), а также последующих метаний между родильницей и неонатологом, молодой матерью и детской больницей, родильным домом и участковым педиатром. У приятельниц, разумеется, уже были дети. И эти самые приятельницы постоянно об этих самых детях говорили. Сперва о том, как они «сосут сисю» и как у них отходят или не отходят «газики». Позже – об ужасах прорезывающихся зубов, разбитых коленок, двоек по природоведению и, конечно же, о том, какая сволочь классная руководительница или Машкин Петька. А от Машки Соня выслушивала про то, какая же тварь всё та же классная руководительница и Катькин Димка. Ещё эти приятельницы восхищались гениальностью своих детишек, и Соня вынуждена была восторгаться ужасными каляками-маляками, соглашаясь, что миру явился новый Василий Кандинский, или слушать аденоидную нарочито-вычурную декламацию дурацких стишат, поддакивая тому, что вскорости театральные подмостки будут осчастливлены реинкарнацией Фаины Раневской. Не то чтобы Софья была к этому всему не готова в качестве матери, а не врача акушера-гинеколога и взрослеющей матроны, но всё как-то откладывала на потом. На то потом, где она всё сделает правильно и никто не будет сволочью и тварью, она сама стойчески станет относиться к переломам по типу «зелёной ветки», равно как и к открытым, и к тому, что её ребёнок захочет стать, к примеру, плотником, а не ядерным физиком или, for example, продавщицей-консультантом в бутике нижнего белья, а не филологом. А во время идеально правильной, безупречной беременности она, Софья, возможно, даже будет писать какой-нибудь дневник на память себе и чаду и в назидание всем-всем-всем. Например:

«День первый:

Я чувствую, как сперматозоиды засасывают в цервикальный канал и как яйцеклетка ждёт их в фаллопиевой трубе. О радости встречи! О прелести групповых забав, где востребован сильнейший! Я ощущаю, как в слившихся ядрах половых клеток двадцать три материнские хромосомы встречаются с двадцатью тремя отцовскими и сплетаются как попало в мультиоргиастических безумствах, что выше этики и морали, ибо есть только желание и есть только удовлетворение оного – см. историю Древнего Рима. Я счастлива, что живу на этой планете!

День второй – седьмой:

Во мне делится плодное яйцо, опускаясь по трубе всё ближе и ближе к матке. И вот уже клеточная масса разделяется на зародышевый узелок и поверхностный слой клеток, образуя внутри полость. Ну не Изиды ли я?! Возрадуйтесь все! Несите мне в постель тёплое молоко без пенки, ванильное печенье и все четыре части «Смертельного оружия», потому что меня не тошнит только от Мела Гибсона, а из женщин я и прежде выносила только Рене Руссо! О нет, милый! Только не «Афёру Томаса Крауна»! Там, безусловно, Рене Руссо прекрасна до полной и абсолютной невыносимости, но от одного из самых слащавых и тощеньких Джеймса Бондов меня избавь, да сохранил Главный Режиссёр моё плодное яйцо, Аминь!

День восьмой – девятый:

Плодное яйцо завершило своё путешествие. Оно прикрепилось к стенке матки и постепенно врастает в её слизистую оболочку. Есть ли хоть что-либо более возвышенное и поэтичное?! Я прочитала утром своему плодному яйцу все сонеты Шекспира! Оно истощено (не из-за сонетов ли?) – но я не дам усталому слушателю-путнику, израсходовавшему все свои запасы, пропасть! Путник нуждается в новом питательном ресурсе, и я обеспечу его. Я – единственный источник и составная часть. Я – материнский организм, слава мне! О Великая Благодать Имплантации, теперь имя нам – Эмбриогенез! Мы вместе пройдем все тяготы и лишения деления, и да не покинет нас Великая Митохондрия и Большой Адронный Коллайдер Великой Вселенской Матушки!»

«А что такого? Сейчас это модно – вести дневники беременности! И чем они идиотичнее и сюсюкательнее – тем большим спросом пользуются. Не осталось практически ни одной ду... беременной, чью прикроватную тумбочку не «украшало» бы какое-нибудь «Мой малыш по косточкам» или «Беременность от бога до чёртиков!» – хмыкала Софья, хрустя зёрнами в кофемолке.

– Ты чему ухмыляешься? – в ожидании кофе муж сидел рядом за столом.

– Да так, решила в писатели податься.

– Девочка моя, неужели ты наконец решила убить начмеда и написать иронический детектив или даже криминальную драму?

– Ну что ты, милый. Я свято чту главные заповеди: «Не убий!» и «Не напиши иронического детектива и тем паче криминальной драмы для ближнего своего!» Я решила написать мозгодробительный бестселлер для «овуляшек» и «беременяшек»: «Вокруг матки за двести восемьдесят дней» или «Путешествие к центру яйца», например.

– В переносном, я надеюсь, смысле?

– Где-то да. Яйцо – Лингам – и всё такое. А где-то может быть и...

– А «овуляшки» – это кто? – оторопело уточнил спутник Сониной жизни.

– Ну, это такие формы жизни, немного похожие на инфузорию-туфельку. А некоторые даже на амёбу.

– Ну, слава богу, не на гельминтов!

– Зря ты обижаешь гельминтов, дорогой. Они достаточно высокоорганизованны!

– Ну, в любом случае слишком длинно для инфузорий-туфелек. Не говоря уже о том, что издатели будут против таких нейминговых конструкций, насколько я разбираюсь в особенностях современного маркетинга, хотя я и дилетант, – хихикал муж.

– Да? Ну, тогда назову его просто и изящно – «Девять месяцев». Это будет такой розовослюнявый информационно-агитационный романешти. Ну, или длинная повесть. Или вообще что-то... – Соня неопределённо помахала ручкой, – публицистически-идиотическое. Или сатирическое. Или саркастическое... Не знаю ещё. Когда начну писать – узнаю.

– О чём же ты не знаешь, пока не начнёшь писать, моя любимая незнайка?

– Как о чём?! О беременности, любимый! Разве это не ясно из названия? Назови я книгу «Десять лун» – не все же эти «-яшки» сообразят. А вот «Девять месяцев» – самое оно! Даже до самых прогестерон-зависимых дойдёт, с чем на кассу идти.

– О! А давай прямо сейчас, что откладывать-то! – муж плотоядно ухватил Софью Константиновну за талию или чуть пониже, и они действительно приступили. От процесса их отвлекло шипение сбежавшего кофе. Потом, уже весело смеясь и задрав ноги на стол, они болтали о чём угодно, но только не об овуляции, беременности и родах. Их любовь была нацелена исключительно и только на самих себя, а вовсе не на результат, потому что любовь была для них самоценна. И ещё потому, что Соня пила противозачаточные таблетки. И по умолчанию ни

«овуляшкой», ни «беременяшкой» быть не могла благодаря комбинированным оральным контрацептивам, одинаково действующим на организм любой, даже самой высокоорганизованной «инфузории» в туфельках.

– Но всё-таки, солнышко... – иногда муж позволял себе подойти к теме поближе. – Может, начнём писать твой бестселлер? Ну, или хотя бы собирать... создавать материал для исследований?

– Когда-нибудь позже, дорогой. Чуть позже. Немного позже...

Он не возражал. Позже так позже. Странно, но им, тридцатилетним, жизнь всё ещё казалась такой же бесконечной, как совсем юным подросткам. И даже куда длиннее – потому что в тридцать опыт уже есть, а покоя ещё нет. Вернее, есть, но только настоящий – произрастающий из любви. А не середнячковый такой покой – что случается раз через раз у особей, жизнь которых строго конечна ровно посередине. Плюс-минус от средней продолжительности жизни. Работа есть, квартира приобретена, мебель расставлена, дети встроены в мебель, в следующие квартиры и дома, в машины, в шубы, в поездки и в других детей – всё, привет! Доплыл до середины? Дрейфуй.

Ни Софья, ни её супруг середнячками не были, потому что собирались жить если не вечно, то очень долго. Их неуёмный мозг и не менее беспокойное сердце отодвигали гипотетическую «середину» туда, куда «нормальные» люди обычно помещают «последнюю запись». Даже если сами не признаются себе в этом.

Для юных Заруцких жить означало: «идти», «бежать», «прыгать», «скакать», «плыть», «лететь», – а не дрейфовать по привычному течению на приспущенных унынием парусах, надуваемых лишь сезонными ветрами инертности. Не говоря уже о том, что в блаженстве взаимной сильной гетеросексуальной, простите за старомодность, любви есть свои безоговорочные прелести. Такой любви даже время не помеха, что уж там говорить о факте наличия или отсутствия детей. Или, например, обсуждений начмеда Павла Петровича Романца. Вовсе не помеха, а некоторого рода домашнее развлечение. Возможность выпустить гневный пар, чтобы беззаботно и весело посмеяться. Подумаешь, начмед! В мире так много всего нехорошего! Например, плойка с алмазным напылением, призванная создавать «идеальные кудри» (особенно в сочетании с пенкой для создания «идеальных кудрей»), а в итоге создающая только скрученные, похожие на спутанную грязную лошадиную гриву, слипшиеся намертво безжизненные колтуны. Или крем для удаления волос на ногах, волосы совсем не удаляющий, зато вызывающий такое термоядерное раздражение, что даже муравьиная кислота по сравнению – смягчающее увлажняющее средство. Что ещё?.. Метро в час пик. Мокрый грязный снег именно в тот вечер, когда соберёшься наконец выгулять ни разу не надёванное белоснежное пальто. Туфли на шпильках с неудачной колодкой. Мама мужа, когда она смотрит на Соню и молчит, но мысли о том, что её дорогая невестка совершенно не умеет *хорошо одеваться* (то есть именно так, как мама мужа, и никак иначе!), с грохотом отскакивают от стен крохотной уютной кухоньки его милых и в общем-то даже замечательных родителей. Или, например, пепельницы, в которых не предусмотрены «пазики» для сигареты. Или предусмотрены – но сигарета в них не держится. Или газированное вино – фу, гадость! Много, очень много на свете всякого нехорошего. Так что начмед, если присмотреться, вовсе не так уж и плох, потому что умеет и оперировать, и руководить. И пусть методики и методы у него порой, мягко говоря, странные, но ведь работают! В отличие от той же плойки... Если сравнивать плойку и начмеда, то он на своём месте, а она – просто какой-то недоделанный паяльник тире кипятивник! Поэтому плойку надо выбросить, но жалко. А Романца не жалко, но он на своём месте. Вот пусть там и сидит, и никуда не уходит, и не выбрасывается. Потому что с этим начмедом Соня уже работала как врач и научилась худо-бедно уживаться, как сосед по коммуналке. А кому что

человеческое чуждо или не очень – так ни Соне, ни Романцу то неведомо. Дело делается? Ну вот и то. Вот и хорошо. А то придёт новый – так зажарит по шее с самой неожиданной стороны, как та самая плойка... Ну и хватит о ней!

Только «на посошок», как будто невзначай, припомним кое-что из всеми уважаемого, хоть и далеко не всеми любимого старика Черчилля. Фрагментарно: «...а кто после тридцати не стал консерватором – у того нет головы». К чему это я? А к тому, что есть мудрецы, а есть кто-то, кто приглядывает. И есть те, за кем приглядывает тот, кто должен, сверяясь по старой памяти с мудрецами. Просто запомним это.

А тем временем пришла пора обсудить, собственно, начмеда безо всяких сравнений и аналогий. Потому что он один из – напоминаю – множества главных персонажей нашего текущего повествования и без него нам никак. Не говоря уже о бытии Софьи Константиновны – ему, её бытию, без заместителя главного врача по лечебной работе не обойтись. Взаимная неприязнь – чувство куда более сильное, жизнестойкое, и, уж тем паче, куда более длительное и стабильное, чем, например, обоюдная симпатия. А уж любовь и ненависть – и вовсе близнецы, просто в разных магазинах одеваются. Правда, если задуматься – то ещё и по классовой принадлежности... Да и бог с ним. Вот вы разве не замечали, что ваши родственники, друзья и приятели с равной охотой говорят и о тех, кого любят, и о тех, кого терпеть не могут? «У неё самые красивые ноги, совершенной формы! Я обожаю, когда она ходит в короткой юбке!» – А через день: «Она опять нацепила набедренную повязку на свои кривые убогие палочки!» – разве не слышали вы подобного об одной и той же женщине, скажем, вашей невестке, от своего брата или своей мамы? Так и Заруцкая и Романец – не существуют сами по себе, а лишь в контексте субъективного восприятия друг другом и окружающими – их. Да и в таком-то существовании добро и зло, хорошо и плохо, красиво и уродливо – всего лишь вопросы ракурса, даже и в беспристрастном зеркале имеющие немаловажное значение для последующих трактовок. Автор же и вовсе взбалмошная женщина, так что объективности ждать нечего, особенно учитывая то обстоятельство, что предыдущими предложениями этого абзаца я уже выписала себе индульгенцию.

Павел Петрович Романец тоже когда-то родился – лет на двадцать пять раньше Софьи Константиновны. И тоже вырос. Учился, закончил, женился, работал. Ещё учился. Ещё работал. Разводился. Снова женился. У него были любовницы, и он их бросал. И они бросали его – когда как. Потому что глупая любовница готовит мужчине пироги и борщи, уточняя, насколько именно они лучше пирогов и борщей жены; гладит ему рубашки, радуясь, как полная и окончательная дура, тому, что жена не гладит их вообще; всегда имеет терпение дожидаться, чтобы бросили её. Умная любовница не уточняет про жену, ничего не готовит и не гладит. А лишь намекает в лоб да покрепче на то, что у неё, любовницы, нет зимних сапог или, например, бриллиантов (одна из пассий Павла Петровича «намекнула» с него все стройматериалы для своей дачи, и это было для последнего куда более дорогостоящим мероприятием, чем одноразовый каратничек на юбилейную случку). Ну, и умная любовница – всегда так прозорливо-нетерпелива – уходит первой.

В общем, половых страстей в анамнезе Романца было хоть отбавляй, потому что уж очень он равнодушен был к женщинам не только по долгу службы. Не только как признанный профессионал женских недр, но и как любитель дамских рельефов по призванию. Хотя кто бы мог подумать, глядя на него теперешнего, что перед вами – покоритель сердец и тел противоположного пола. Честно говоря, такая мысль и в голову не пришла тому, кто смотрел бы на него двадцати пяти или сорокалетнего. И близко он не походил на Казанову или героя-любовника чином пониже. Честно говоря, в одежде с трудом смахивал на мужчину. А без одежды – тем паче. Пухлые дряблые бабьи руки, мякенькая грудь, двумя тестоватыми нащёлками покоя-

щаяся на монументальном животе, списанном с карикатур на капиталистов из журнала «Крокодил» года эдак 1924-го. Узкие плечики, пергаментные бёдра, кривоватые, покрытые седеющими стержневыми волосьями голени. Попа еврейского отличника. Головёшка усохшего от постоянной сердитости Кобзаря с сильно поредевшими усами. Всё это он щедро демонстрировал миру, переодеваясь в операционных, так что ничего тайного, специально выуженного у его супруги или, например, любовницы, в описании его малопривлекательной внешности нет. Рассупонясь, бывало, до самого что ни на есть исподнего и трогательно прыгая на одной ножке, целясь другой в пижамную штанину, Павел Петрович любил грозно повизжать на ассистента:

– Почему ещё не помылись?! Вы уже должны операционное поле обкладывать!

Повизжать и пообкладывать он вообще любил. Желательно – при аудитории (театр без зрителя – зря потраченный бюджет Министерства культуры!). При санитарке наорать на акушерку. В родзале, похвалив средний персонал, обвинить врача в неправильной тактике ведения родов (прямо при роженице). Завидев стайку интернов, мог громогласно, долго и подробно делать замечания ординатору. При ординаторах указать доценту на его место, которого во вверенном ему, Павлу Петровичу, лечебном учреждении нет. Профессорам доставалось заспинно, но с расчётом на скорость передачи сплетен, сопоставимую со скоростью распространения звука в атмосфере.

А уж как он не любил Сою...

Вы помните о классовой принадлежности чувств?.. Вопрос риторический. Не потому, что вы лишены возможности ответить автору, а лишь по той причине, что ответа он не требует. Вы все взрослые люди, иначе сейчас не читали бы этот роман, а задорно марали цветными карандашами в книжке-раскраске. Не правда ли, чудесное было время? Нас не беспокоили никакие вопросы, кроме разве что «почему трава зелёная?» и «откуда берутся дети?». На первый многие из нас до сих пор не ответят, ибо «фотосинтез» и «хлорофилл» – слова куда более таинственные, чем «овуляция», «сперматогенез» и «зачатие». Неизбежные издержки бытия, определяющего наше сознание. Профессиональных «ботаников» мало, а производство детей ни особых знаний, ни особых навыков не требует. И, увы, иногда не требует даже любви...

Сою Романец невзлюбил с первого взгляда.

Если проявить большее тщание в изложении – он испытал слишком противоречивые чувства, а противоречия – заведомый признак нелюбви, ибо в любви всё однозначно и примитивно. Это, пожалуй, основное её отличие от ненависти, если вдуматься, кроме пресловутой знаковой противоположности. Так что если вы полагаете, что любите, но чувство ваше к объекту любви *противоречиво* – знайте! – вы, на самом деле, ненавидите. Просто последствия этого столь отдалены, что не рисуются для вас даже гипотетически.

А невзлюбил Павел Петрович в тот самый миг, когда Софья Константиновна, исполненная юношеского снобизма, свойственного всем, кто заканчивал медицинские институты, университеты и академии, явилась пред его светлы очи и под сень административных регалий со всеми положенными для оформления на должность врача-интерна документами.

Перед этим она уже была у главного врача, высидев в его приёмной в общем и целом часов шестнадцать своей жизни. Когда наконец Софью изволили принять, то всё было мило, чудесно, и чашка чаю была с «табельной» коробкой усохших конфет с седым налётом – неумолимого даже для шоколада признака старения. Главный врач, сияя неестественно белозубой улыбкой, поприветствовал юное пополнение, вознёс в пространство краткую, исполненную

пафоса речь о предназначении, трудностях (ага, а как же: «...за ними другие приходят. Они будут тоже трудны»¹). Рассказал, посвёркивая культовыми золотыми швейцарскими часами из-под манжет (обращаем внимание на платиновые запонки с монограммой) дорогостоящей брендовой французской тончайшего батиста рубашки, – как горек, скуден и безнадёжен чёрствый кусок лекарского хлеба. И, быстро пожелав всех благ и успехов в деле обучения акушерско-гинекологическому ремеслу, выставил Соню за дверь, так ничего и не подписав.

– Что мне теперь делать? – растерянно спросила выпускница Заруцкая у секретаря главврача, загодя одаренной дорогушими духами. Та, смерив Соню надменно-сочувствующим взглядом (так умеют смотреть только секретари важных персон, сотрудницы высокопробных министерств, работницы аппаратов ЖЭК, ОВИР и БТИ, ну, и ещё королевы, протокольно-вынужденные любить голодающих детишек по требованию в любое время года), сказала с интонациями доброй тётушки, объясняющей слабоумной племяннице правила поведения в коммунальном клозете:

– К начмеду иди. Затем – в отдел кадров.

– А сюда я зачем ходила? – всё ещё не понимала клозетных правил тупая Сонечка.

– Затем, что без похода сюда далее ни в какие кабинеты пускать не будут. Иди-иди, я сейчас позвоню Пал Петровичу. Да не психуй ты так, Романец красивых девок любит. Тут пощупает, там потрогает – с тебя не убудет. А гонору поменьше миру демонстрируй. Врач-интерн, дорогая, это так – фу-фу! – ни в туда, ни в Красную Армию. Так что твоя задача не гоношиться, а делать смиренное лицо и беспрекословно подчиняться старшим по званию. А таковые для тебя сейчас – все. Иди! – ласково напутствовала она слегка обалдевшую от таких откровений девушку.

И Соня пошла. Чтобы, проведя ещё четыре часа под дверью кабинета заместителя главного врача по лечебной работе (но только уже стоя, потому что приёмной у него не было), окончательно озвереть, вместо того чтобы прогнозируемо смириться.

«Я – врач, а не какая-то там девчонка, чтобы вы меня под вашими начальственными дверьми мариновали!» – накручивала себя Софья Заруцкая.

«У меня, между прочим, красный диплом!!!» – мысленно кричала она (с излишним, признаться честно, гонором) в мир сиятельных главных врачей, их утомлённых собственной значимостью секретарей и отсутствующих уже несколько часов на рабочем месте заместителей по лечебной работе.

На исходе четвёртого часа ожидания она спустилась в подвал, благо здешние курительные места были известны ей ещё со студенческой скамьи и положенных по учебному расписанию четвёртого и шестого курса ночных дежурств. Помнится, тогда к ним относились хорошо. Врачи шутили... Стоп! Шутили с ними, студентами, такие же, как и она нынче, интерны. А какими важными они казались, какими многоопытными и мудрыми! Они знали, где туалет, как называются инструменты, где кислородный краник, с какой стороны подойти к роженице и что стетоскоп лежит в крайнем правом ящичке стола. Да-да, они с важным видом, по оклику толстой тётки в белом, несли его в трепетных ручках к постели роженицы. А уж к пузу его приставляла именно толстая тётка в белом. На фоне тогдашних интернов тётка-акушерка выглядела профессором. Что, теперь и Соня вот так – подай-принеси?! И для этого

¹ «Суровые годы уходят, / В борьбе за свободу страны. / За ними другие приходят. / Они будут тоже трудны». Песня из кинофильма «Собачье сердце», В. Дашкевич, Ю. Ким.

надо было шесть лет учиться?! От утра до утра рисовать безумные альбомы по гистологии и микробиологии, зубрить проклятую топографическую анатомию с оперативной хирургией, аускультировать сердечников, перкутировать туберкулёзников, пальпировать вздутые животы гастроэнтерологических мучеников и трястись накануне зачёта по расшифровке кардиограмм, чтобы теперь: «Принеси стетоскоп! Быстро!»? Соню окатило такой волной полнейшего разочарования в жизни, таким всепоглощающим цунами несправедливости, что она еле сдерживала слёзы.

И надо же такому случиться! Только прикурила, только затянулась, только-только начала убеждать себя в обратном: что не всё так плохо, не так страшен чёрт, потому что нет его, а только собственное отчаяние бодливыми рогами подталкивает тебя к обрыву бессмысленности жития, и только тебе самой под силу настучать ему по этим самым рогам... Как к ней, Соне, затягивающейся длинной сигареткой чуть более оптимистично, чем секунду назад, невесть откуда подкатился яростно пылающий багрянцем щёк усатый шар на паучьих ножках и начал орать:

– Кто такая?! Из новеньких детских медсестёр?! Уволю к едрёне фене за нарушение санитарно-эпидемиологического режима!

– Здравствуйте! – по возможности спокойно ответила Соня, и не думая выбрасывать сигарету в дырявую кастрюлю, стоящую на полу в этом укромном закутке в самом конце подвала, заполненную окурками по самые края. – Я не детская медсестра, я – врач-интерн!..

«Взрослый человек, в конце-то концов! И курю я не около хранилища баллонов с кислородом и азотом, а в подвале, где нет не только младенцев, но и ничего мало-мальски пожароопасного!» – зло додумала она про себя, а вслух только ядовито-формально оскалилась здорового цвета и правильного фасона зубами.

– Ах, ты врач-интерн! – зашёлся в визге колобок. – Какая наглость! Она – врач-интерн! Курит на территории родильного дома, прямо в лицо начмеду, и имеет наглость заявлять, что она врач-интерн! Скажите, пожалуйста! Сейчас кресло принесу и чашечку кофе сварю! – распалился Павел Петрович, отмечая про себя, что девка-то красивая, высокая, стройная, он таких любит. Запугать посильнее – и бери готовенькую за одну только возможность быть у начмеда на хорошем счету и заодно на побегушках. Баш на баш – половой актик в обмен на участие в кесаревом сечении в качестве второго ассистента. Все довольны, все смеются!

– Почему вы мне тыкаете? – Соня редко выходила из себя, ещё реже обижалась, потому что папа, мама и даже уже мало-мальски жизненный опыт учили её, что нервозность и обида – это неконструктивно. Но она была так измотана ожиданиями и визитами, так измучена в очередной раз открывшимися несправедливостями и несоответствиями мира, так расстроена тем, что, видимо, лучшие годы жизни, а именно – учёбы, – уже закончены, добро пожаловать в ад! И после его тыканья (хорошо ещё, что она не умела читать мысли) мгновением прежде изгнанное отчаяние вернулось с явно превосходящими силами. О-о-о!!! Так ли рисовалась ей будущность, когда она зубрила учебники? Так ли представлялось ей Великое Миссионерское Братство в белых халатах? Об этом ли писали в книгах великие? За что?! Почему?!!

Юности свойственно задавать вопросы, ответов на которые не существует во вселенной. Юности присуще выплёскивать раздражение на тех, на кого раздражаться – всё одно, что плевать против ветра. Юности необходимы обиды, чтобы со временем понять их неконструктивность не из маминых и папиных поучений, не из кино и книжек, а прямо и доходчиво – из самой жизни. Нелепой, забавной, любящей нехстати пошутить и не к месту всплакнуть.

– Что?!! – заорал начмед, не поняв, почему это девица не посинела от благоговейного ужаса перед администрацией.

– Почему вы мне тыкаете? – повторила Соня. Руки у неё затряслись, из глаз покатались слёзы. – Ладно... секретарь... те... всегда... но... вы... начмед!.. Образованный... интеллигентный... человек... Казалось бы... Мы... с вами... на брудершафт... не пили! – выкрикивала она в него срывающимся голосом. Затем сглотнула собравшийся было у горла комок и бросила наконец окурки к собратьям. Он упал на самую вершину бело-пепельной сопки и тут же скатился на пол.

– Подними! – злобно прошипел начмед. И тут же с вежливостью тираннозавра добавил: – ТЕ!

Софья Константиновна была, несмотря на вспыльчивость, всё-таки достаточно умна для того, чтобы первую партию закончить вничью. Она и так уже сердилась на себя за неуместный обильный секрет слёзных канальцев. Решив, что корона с неё не упадёт, она нагнулась, подняла окурки и воткнула его в гущу прочих. Это простое действие вызвало обвал множества его собратьев, но Соня уже успела решить, что эти – не её проблема. И потому, неожиданно развеселившись, прямо посмотрела в выпученные, белеющие на буряковом лице начмеда глаза и сказала:

– Так вы уже освободились? Я вас четыре часа жду. У главного врача я уже была. Его секретарь должна была вам позвонить!

Всё.

Всё, что можно было сделать не так, Соня сделала не так. Нет-нет, в кабинет к начмеду она в тот день всё-таки попала. Правда, он поднялся на лифте, а она пошла пешком по лестнице, ведущей на улицу, а уже оттуда – вокруг – в родильный дом через главный вход. Он даже не предложил ей присесть, разглядывая её бумаги и рассказывая, что нужны они здесь, «эти интерны», как собаке пятая нога. И что одни сплошные акушеры-гинекологи, не продохнуть, а врачей скорой помощи и прочей общей практики не хватает. Что все они (и, конечно же, в первую голову она, Софья Константиновна) думают, что тут мёдом намазано и сахаром присыпано. Что делать никто ничего не хочет, а кошельки для денег уже приготовлены. Соня стоически молчала. Хватит. Сегодня она уже выступила. Начмед, естественно, придрался к какому-то просроченному анализу. И вообще – ко всему медосмотру, потому что он, видите ли, был пройден не там, «где положено».

Пройдя ещё один медицинский осмотр, собрав ещё какие-то бумажки, Соня... В общей сложности она посетила кабинет начмеда трижды. Чтобы потом в отделе кадров получить втык по полной за дисциплинарное нарушение – не прибыла врач-интерн Софья Константиновна Заруцкая на работу вовремя. Что, прикажете задним числом вас оформлять? Нет уж, это должностное преступление! Соня не приказала, а попросила. Присовокупив к прошению подношение инспектору отдела кадров – дебелой тётке поздне-средних лет, злой на весь мир. После получения бутылки дорогого коньяка и коробки дорогущих свежайших конфет тётка из злой моментально мутировала в приторную – и Соню оформили задним числом. После чего она наконец на законных правах притопала на первую в её жизни врачебную пятиминутку. Где кроме неё было ещё двенадцать человек интернов акушеров-гинекологов, её однокурсников. Они жались друг к другу. Даже те, кто во время учёбы в институте терпеть друг друга не могли. Кажется, все были введены в курс того, что они тут никому не упали и что номер их шестой – и это ещё в лучшем случае.

Позже Софья Константиновна очень удивлялась, как её коллеги, на своей шкуре познавшие все тяготы и лишения интернатуры, могли свысока относиться к следующей буквально по пятам зелёной поросли. Как?! Неужели им самим, побывавшим Васями, Петями и Людочками, приятно унижать других? Разве не помнят они свой собственный страх, свою собственную неловкость, свою собственную неуместность и ненужность? Человеческая память имеет некоторые особенности? Например, мозаичность. Или же особенности человеческой психики *вообще* таковы: пнуть, если пинали тебя; плюнуть, несмотря на то что не так давно сам утирался; запачкать, потому что сам только что из химчистки и воспоминания о пятнах слишком свежи и болезненны? Соня мысленно, но очень торжественно поклялась на своей свежей тёмно-зелёной трудовой книжке никогда-никогда не вести себя подобным образом, даже если это противоречит кодексу психологии социальных групп. И к её чести, надо заметить, клятве своей по сей день оставалась верна – и к младшим товарищам ни разу ещё неподобающе не относилась.

А тогда, после окончания мытарств официального трудоустройства, начмед отправил Софью Константиновну в наблюдательное отделение, справедливо полагая это самое отделение адом. Там она и провела всю интернатуру безо всяких ротаций. Лишь изредка, на периоды закрытия родильного дома «на помывку», отправляясь в женскую консультацию или в гинекологическое отделение больницы скорой помощи нашего (или, быть может, вашего) города. Интернов было положено переводить из отделения в отделение, и потому её сокурсники тусовались то в послеродовом, то в патологии, то в родильно-операционном блоке. Соня же напоминать о себе начмеду лишний раз не имела ни малейшего желания. Тем более в наблюдении было всё то же самое – и родильно-операционный блок, и послеродовое, и патология. Всё то же самое плюс ещё куда более сложные и интересные случаи, манипуляции и операции. Не всегда щадящие психику врача, не всегда, увы, изгоняющиеся из хранилищ памяти и частенько оседающие крохотными по масштабам вселенной, но весьма заметными для такой предметной дисциплины, как гистология, рубчиками на собственном миокарде.

Она не напоминала, но Павел Петрович о ней и не забывал. При каждом удобном случае понося интерна Заруцкую на пятиминутках и в кулуарах, на клинических разборах и в кабинете главного врача, в горздраве и в частных беседах. Что совершенно неожиданно оказало эффект, диаметрально противоположный ожидаемому. Интерна тогда ещё первого года Соню никто из младшего и среднего персонала не называл по имени, а лишь Софьей Константиновной (минус подчёркнуто-презрительная *ироничность* заместителя главного врача по лечебной работе при произношении Сониного отчества). Её назначения в историях котировались наряду с назначениями лечащих врачей со стажем и категориями, и ни у кого и в мыслях не возникало уточнить, подвергнуть сомнению или оспорить. Толковая девка, чего уж там, начмед только о ней и говорит.

Спустя всего лишь полгода Софья Константиновна самостоятельно вела две палаты, а через год дежурила с правом принятия не особо ответственных решений. Заведующий отделением спокойно ставил её в график, списывая деньги на кого-то из врачей-ординаторов. Тут ключевую роль сыграла, конечно, не неприязнь начмеда, а собственная Софьиная любовь к учению, к специальности, трудолюбие и так далее, и так далее. Но поскольку поношения удоставались, как правило, только уже состоявшимся клиницистам, Заруцкую (от чьего врачебного звания гораздо ранее положенного срока отвалилось дополнение «интерн») и стали считать таковой как в стенах данного лечебного учреждения, так и за их пределами. Кто не работает, того не за что прорабатывать. Sic!

Пару раз за долгие три года интернатуры начмед ставил вопрос о её увольнении. И главному врачу приходилось напоминать своему заместителю, что уволить интерна нельзя. Никак нельзя. Потому что никакой юридической ответственности интерн за послеродовый эндомет-

рит не несёт. Что? Роды принимала? А в журнале записана фамилия заведующего. Что? Его в этот момент и на работе-то не было? Так это уже ваш косяк, уважаемый Павел Петрович. Может быть, вас уволим для начала? А не ошибается только тот, кто ничего не делает, с этой истиной вы, полагаю, знакомы, господин Романец?! Так что вы наладьте как следует лечебную работу на вверенной вам территории и отцепитесь уже от «всего лишь интерна» Заруцкой! А я на очередной конгресс полетел. Всех целую в сапрофитную микрофлору. Паразитам же, Павел Петрович, не место в лечебном учреждении, вот вы с ними и боритесь, а не с талантливым подрастающим поколением.

Так что такое отношение начмеда было Софье скорее на руку, хотя поведенческих ситуационных проблем добавляло. Но наличие маленького диктатора – счастье для воспитания духа, как известно. Соня вынуждена была быть лучше всех, просто чтобы не давать лишних поводов для укусов. Она никогда не опаздывала и не отпрашивалась. Никто и никогда не мог застать её в родзале экипированной не по форме. Заруцкая писала самые идеальные истории родов и самым безукоризненным образом (и в срок!) заполняла статистические талоны. Протокол операции она строчила разборчивым почерком, едва размывшись, и вслед за этим – без перекуров и перекусов! – тут же переносила дубль протокола в операционный журнал. Шифр заболеваний и состояний в полном соответствии с Международной Классификацией Болезней очередного пересмотра был ей известен наизусть. Она помнила все номера телефонов специалистов-смежников, станций переливания крови, резервных доноров, а также психиатров, ЛОР-врачей, домов ребёнка, Центра ВИЧ/СПИД, юристов, плотников, сантехников, и тэдэ, и тэпэ.

Хотите стать непогрешимым? Заведите себе достойного личного врага. Превосходящий тебя противник куда полезнее слабенького союзника. Если споткнёшься и упадёшь – он добьёт. Потому изучи все шероховатости пути – и ты его превзойдёшь.

О том, чтобы превзойти Павла Петровича, речи для Софьи Константиновны, конечно же, и быть и не могло. Во всяком случае пока, с ходу. Так что последнее предложение предыдущего абзаца – скорее общая теория, а не частная практика, но кому ещё это вредило?

В общем, закончив интернатуру, Софья Константиновна так и осталась в наблюдательном отделении. Врачом-ординатором. Это было ожидаемо всеми – от главного врача и заведующего до самой затрапезной санитарки, но неожиданно для начмеда. Чего он только не говорил и что только не пытался сделать. Пытался-пытался, а действительно сделать смог единственное: настоять на переводе врача-ординатора наблюдательного отделения Заруцкой Софьи Константиновны во врачи-дежуранты родильно-операционного блока того же отделения. Чтобы пореже, а не каждый день видеть «эту спесивую тварь».

Никакой тварью, и уж тем более спесивой, Соня не была. А то, что однажды отвесила на чьих-то именинах подвыпившему Пал Петровичу звонкую оплеуху, тут же заалевшую отпечатком её ладони седьмого размера, так сам виноват. Нечего было её за грудь щипать. «Во всяком случае – не при всех! – хохотал в начмеда главный врач. – Скажи спасибо, что у нас не Европа и не Америка, а то бы уже повестку получил за сексуальное домогательство. А тут – подумаешь?! – пощёчина. За дело огрёб. Дёшево, сердито и безо всяких возмещений морального ущерба».

А Софья Константиновна была даже рада переводу в дежуранты. Восемь суток в месяц на её законную ставку (согласованную с главным и у него же подписанную, в условиях тотального дефицита ставок и тотального же дефицита ответственных и талантливых кадров) – после де-факто бессменных дней и ночей трёхгодичной интернатуры и года уже де-юре самостоятельной работы были для неё чуть ли не отпуском. К тому же – прилично для молодого врача оплачиваемым. Нет-нет, зарплата врача, не имущего никакой категории, была ничтожно мала. Как, впрочем, и жалованье вполне себе квалифицированных, сертифицированных и остепенённых.

Но тем не менее утром пришёл, следующим утром ушёл. Ну, пусть не утром, а днём. Ну, ладно-ладно, не днём, а вечером. Поздним. Переходящим в раннее утро следующего дня. Так и специальность Соня по любви выбирала, а не по протекции. И видит бог, как ей было сложно получить это акушерство и гинекологию! Но она получила и училась, училась и училась, как завещал великий Амбодик, Додерляйн и прочие. Так что и ночь-полночь были ей не в тягость, и даже вечный Павел Петрович, отравлявший существование постоянной скандальностью и выискиванием блох конкретно в Софьиной шкуре, не особо напрягал. Иногда она даже приходила к выводу, что ей стоит сказать ему спасибо. И даже большое. За склочный характер, за вредность, за отвратительно предвзятое отношение и за то, что в последние годы он звонил на пост родильного зала и глухо сипел в трубку:

– Заруцкая есть? Пусть моется...

Или:

– Заруцкая есть?.. Где она шляется?! Разыскать!!! И пусть моется...

Софья Константиновна усмехалась, но мылась. Кто старое помянет, тому глаз вон. К чему его поминать? Только тратить время и энергию впустую. Тем более что и нового было предостаточно.

Но тем не менее личная человеческая гнусь не делала Романца плохим специалистом. Автор вынужден это констатировать, потому что, несмотря на привлекательность иных ракурсов, имеет смелость иногда подойти к чему и кому угодно (к зеркалу ли, к человеку ли) и широко раскрыть глаза. Заместитель главного врача по лечебной работе данного конкретного родовспомогательного учреждения был прекрасным акушером, толковым хирургом, а если и работал иногда «грязно», не анатомически, то рука у него, паскуды, была лёгкая. Так что если уметь отделять мух от котлет (а Соня умела, не один автор этого опуса такая умная), то пользы ей от Павла Петровича, признаться совсем уж откровенно, было куда больше, чем вреда. В конце концов, желание напакостить ещё не значит напакостить. В общем, начмед оказался той самой силой, что вечно обещает зло и вечно причиняет благо.

Пути причинения блага неисповедимы. Ах, если бы любовь к нам наших друзей была бы хоть вполовину так сильна, как неприязнь наших недругов... *«Будьте таким, чей взор всегда ищет врага — своего врага... Своего врага ищите вы, свою войну ведите вы, войну за свои мысли!.. Любите мир, как средство к новым войнам... Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе. Да будет труд ваш борьбой и мир ваш победой!.. Восстание — это доблесть раба. Вашей доблестью да будет повиновение!.. Для хорошего война «ты должен» звучит приятнее, чем «я хочу». И всё, что вы любите, вы должны сперва приказать себе... Итак, живите своей жизнью повиновения и войны!.. Какой воин хочет, чтобы его щадили!»*

Простите, но — да: «Так говорил Заратустра». Старичок Ницше был психопат, каких поискать, но частенько писал толковые вещи. И несмотря на кажущееся легкомыслие (кто сказал, что лёгкость мысли — это плохо?) нашего романа, у каждого читателя достанет кусочка хотя бы «Докторской» колбасы, чтобы осилить вышеизложенные сентенции Фридриха. Цитаты, конечно, не сам трюфель, а лишь пыль или соус на основе трюфельной пыли, но и это нынче круто-круто. Куда круче первоисточника. Потому что подсунь вам, дорогие читатели, кусок дегтярного мыла, вы носиком брезгливо поведёте и ручкой подателя сего куска оттолкнёте. Зато шампунь для жеребят или там мазь для копыт из «VIP-серии» вам как откровение, потому что в последнем глянце свинцовым по блестящему пропечатано, что Брюс Уиллис именно

таким моет голову, а звезда сериала «Секс на маленькой ферме» только такой умащивает свои коготки. И редко кому из вас в голову придёт посмотреть состав зоологической косметики для очень важно-персонистых лошадей. Дёготь там, друзья мои и недруги, дёготь как он есть. А не запакуй его вам в красивую банку с изображением арабского скакуна на авантитуле (или как там подобное у банок именуется?) – так вы бы и мимо прошли, как проходите мимо Ницше, потому что вычитали в Интернете, что он идеолог нацизма и вообще любил свою сестру не по-братски, а вожделея. И что? Разве мысль его становится от этого хуже? Вот и приходится автору посыпать щепоткой Ницше свой обычный женский роман, как посыпают шеф-повара лучших ресторанов пылью, оставшейся от трюфелей, пасту. Потому что макароны с грибами в эпоху развитой грамотности потребления – тьфу! *А паста с трюфельным соусом – Very Important Product.*

Но вернёмся в, простите, лоно самого обыкновенного, заурядного, как дёготь, женского романа.

В общем, так ли, сяк ли, со скандалами, придирадками, разборками и без оных, Павел Петрович Романец, заместитель главного врача по лечебной работе, и Софья Константиновна Заруцкая, старший ординатор обсервационного отделения, сосуществовали. И симбиоз этот был выгодным. Очевидно, что и *взаимовыгодным*, как любой симбиоз. Софья отменно выполняла свою работу, отчасти и благодаря тому, что всегда чуяла затылком неусыпное око начмеда. В свою очередь начмед, придираясь и скандаля, не мог втайне не отмечать, что девка-то ого-го! – толковая. Комар носа не подточит, как бы ни желал горячей сладостной крови этой девицы. И лечебная работа на уровне, и, как прочие выскочки, решившие, что они талантливые лекари и непревзойдённые хирурги, надежда акушерско-гинекологической школы, от бумажной работы не отлынивает. Документация у Заруцкой – не подкопаешься. Ни собственное руководство, ни кто – тьфу-тьфу-тьфу! – со стороны. Этой гнусной Софье можно поручить написать (а то и, кто без греха, м? – переписать) всё что угодно, и всё будет в ажуре.

«Если вы хотите высоко подняться, пользуйтесь собственными ногами!

*Не позволяйте **нести** себя, не садитесь на чужие плечи и головы!»*

Хотя Романец не питался трюфельной пылью от ницшеанского Заратустры, но он не только не нёс Софью Заруцкую, а ещё и постоянно пинал в качестве бонуса и ускорения процесса сверхчеловечивания. За что, как ни крути, честь ему и хвала по итогам.

Потому что долго ли, коротко ли, но гораздо быстрее, чем в среднем по популяции молодых врачей, – а сделал он её старшим ординатором. Ибо сил никаких уже не было от бесконечного разгильдяйства и беспросветной халатности по отношению к бумажным обязанностям, имеющимся у каждого уважающего себя врача этого самого конкретного отделения этого самого конкретного лечебного учреждения. (И, как подсказывает автору житейский опыт и пусть малое, но всё-таки знание человеческой природы – не только этого.) Софья же Константиновна и так уже давненько помогала с бумажной и административной работой заведующему. Да и по лечебной части хорошо соображала, и руки, растущие из нужного места, должным образом были поставлены.

Заведующий отделением обсервации потихоньку уже подбрел к глубоко пенсионному возрасту, и главврач намекал, что пора. Не потому, что хотел сплавить толкового заведующего на пенсию, а потому что ему самому намекали – из министерства – пора! Пора и честь знать, да и место освободить. Потому что подросло племя младое, незнакомое. Незнакомое с акушерством и гинекологией, понятия не имеющее о тонкостях виртуозной оперативной техники и близко не знающее не то что подводных камней администрирования, но даже и поверхностных его течений. А знающее что? Привилегии, якобы даваемые властью. Пусть даже и такой малой,

как заведование отделением. Погоны – они же не только звёздами красивы, но и ответственностью чреватые. И чем больше у тебя звёзд, тем больше тебя е...

«Ёлки-палки! – думал главный врач. – Что же делать?! Как я скажу Петру Валентиновичу, что его уже того... Заочно списали на берег. А я теперь должен всё это ему объявить и под торжественный марш, исполняемый акушерками на корнцангах, вручить ему какой-нибудь крупный сувенир, типа зеркала Куско, отлитого из бронзы в масштабе пять к одному, и пожелать приятного огородничества. Ему – Петьке! С ним этот родильный дом вместе начинали. Мама дорогая, что же делать?!»

Но мама дорогая главного врача уже давно почила в бозе и ничего не могла подсказать своему немолодому уже сыну. А не выполнить министерское пожелание (читай: «приказ») он не мог, потому как и сам был уже откровенно немолод даже для главного врача. Самого могут попереть за неподчинение негласным распоряжениям. Потому он призвал к себе Павла Петровича Романца, дал ему строгим голосом соответствующие указания «на предмет» и укатил в отпуск. «Кошка бросила котят, пусть это самое как хотят!» – сказал он себе, усевшись в кресло бизнес-класса, и немедленно выпил, потому как страдал выраженной аэрофобией, а нынче ещё и осложнённой муками совести. Они и правда вместе с заведующим наблюдением отделением зачинали, вынашивали и поднимали этот родильный дом более двадцати лет назад. И заведующий в настоящий момент времени был вполне ещё бодр, трудоспособен, и ни члены, ни кора головного мозга его не испытывали ни малейших стигм должного бы уже начинаться возрастного тления.

В общем, главный врач умыл руки и чувствовал себя ни много ни мало Понтием Пилатом. Кем себя только не почувствуешь в условиях не совсем уж кристально чистой совести по отношению к ближнему своему с гордым именем «друг», вкупе с алкогольными парами. Главный мучился в мягком кожаном кресле с откинутой спинкой, и снились ему то римский сенат с его вечным: «И ты, Брут?!», то белорусские партизаны, коих он сдал фашистам, и прочая подобная компиляторная ерунда, штампуемая утомлённым мозгом.

Павел Петрович спал безмятежно, ему не снилось ничего, потому что он друга не предавал – он исполнял распоряжение начальства. Вызвав Петра Валентиновича к себе в кабинет, начмед сухим – *обезличенным* – голосом сказал ему следующее:

– Пётр Валентинович, значит, так. Министерскому выкормышу нужно твоё место. У тебя ещё месяцев девять-десять, а потом привет. Заслуженный отдых.

Пётр Валентинович посмотрел на Павла Петровича тяжёлым взглядом и попросил лист бумаги. После чего чётким быстрым летящим почерком написал заявление об увольнении в связи с уходом на пенсию по причине подходящего календарного возраста, за выслугой лет и почему-то ещё. Число поставил текущее – сего дня.

– Нет, Петь, ты не понял. Это ещё через год почти, потому что министерский ставленник прибудет именно тогда. Я тебя сейчас вызвал поговорить, чтобы ты был в курсе.

– Я в курсе, Паш. Уже в курсе. Потому и написал это заявление. Я бы его и раньше написал, но я всё ждал, что главный мне сам скажет. Не сказал. Эх, Сашка-Сашка, Александр Васильевич. Таки не Суворов. Передавай ему, Романец, мой пламенный привет. Скажи, Пётр сдался без боя. Потому что и не было никакого боя. Я действительно пенсионер. Мне действительно пора на покой. Как из дальних стран вернётся – пусть ко мне с бутылкой заедет. А ты подписывай, подписывай. Не тушуйся!

И ушёл.

Павел Петрович отложил заявление в сторонку, решив дождаться возвращения главного из отпуска. Пусть сам разбирается, где у него дружбы, а где у него трудности и лишения лечебной и административной службы.

Но Пётр Валентинович на следующий день на работу не вышел. И кабинет очистил. Доверенной санитарке всё поручил. И на следующий не вышел. И ещё через день. На четвёртый надо было уже что-то решать. Еле вызволив главного врача на курортах и доложив ситуацию, Павел Петрович услышал лишь одну фамилию:

– Заруцкая.

Потом две буквы:

– И.О.

И короткие гудки отбоя.

А главный врач с чувством выполненного долга радостно поскакал в тёплый океанический прибой, оставив начмеда далеко-далеко на родине в и близко не таких приятных средах, как целительная морская вода.

Для тех, кто не в курсе, если остались ещё такие благодные миряне в среде, именуемой бездушными маркетологами «целевой аудиторией», поясню, что такое И.О. Вернее – кто такой. Это ни много ни мало как исполняющий обязанности. Или исполняющая обязанности. Как вам будет угодно. А это зависит не столько от вашей грамотности, сколько от того, как вы относитесь к вычурным гримасам оголтелого феминизма – вполне возможно, что среди читательниц этого романа есть такие, которых слово «читательница» оскорбляет, потому как откровенно и нагло указывает на их половую принадлежность, таковы уж особенности русского (как, впрочем, и большинства прочих поствавилонских наречий) языка. Слово же «читатель», видимо, уже давно унифицированного среднего рода, как, впрочем, множество и множество мужчин. Автор, возможно, покажется вам излишне зол (слово «автор» мужского рода, да? Значит, подобная конструкция допустима, я и раньше её употребляла и дальше буду злоупотреблять), но на самом деле это не так. Я пишу всё это совершенно спокойно, и в данный текущий момент времени, аккуратно при написании этих строк, справа от меня – пузатая рюмочка отменного коньяку *****. Здесь могла бы быть их реклама, будь этот коньяк немного похуже. Впрочем, при переиздании я вполне могу вставить марку, паче чаяния производители конкретно того, каковым наполнена ёмкость справа от меня, вышлют мне ящик своей дивной, примиряющей с неидеальным миром продукции. Что я пью, когда пишу эти строки, можно узнать, связавшись с издательством, выпустившим эту книгу... Так о чём я? Ах, да. Так вот, автор вовсе не зол ни на оголтелых феминисток, борющихся за обязанности женщин, ни на усреднённых мужчин, с радостью позволяющих женщинам исполнять мужские обязанности. Потому что понимает и принимает всё многообразие видов и форм, населяющих нашу планету. Для кого-то вера в благополучный исход борьбы за самые невообразимые нелепости давно уже исполняет обязанности бога, для иных – какие бы то ни было обязанности – просто пустой звук, другое дело – права. Ну и пусть их, был бы коньяк чуть тёплым и замечательно ароматным. А в нашем повествовании И.О. означает, что Софья Константиновна волею главного врача должна будет исполнять обязанности заведующего (заведующей) обсервационного отделения данного родовспомогательного учреждения и никаких прав за исполнение этих обязанностей она не получит. Вот так, собственно. Ваше здоровье!

А начмед Павел Петрович Романец, получив телефонное распоряжение главврача, пошёл прогуляться коридорами вверенного ему лечебного учреждения, собраться с мыслями и принять решение. Точнее, попытаться уложить в себя без него принятое. Уложить с целью, как бы поэлегантнее для своей психики и поуничтожительнее для этой Соньки приступить к выполнению означенного. Собраться с мыслями Павел Петрович мог только в привычной для него обстановке – порицания кого-нибудь за что-нибудь. И тут ему навстречу интерн! Без шапочки! Без маски! Без бахил! Прямо около лифта совершенно не по форме! Развелось тут!.. В незапамятные времена пара-тройка была. Чуть позже – дюжина. А сейчас этих интернов акушеров-гинекологов уже давно никто не считает! Где они работать будут? И чем, чем?! И как?!! Ничего не умеют и учиться ничему не хотят!!! Санэпидрежим не соблюдают, а санитарно-эпидемиологический режим – это Библия! Это устав! Инструкция! Это святыня, не требующая понимания, осознания и приятия! А только и только выполнения! Сказано – шапочка, маска, бахилы! Да-да, и в коридоре! Молчать и слушать! И вот ещё что – передайте Софье Константиновне, чтобы зашла ко мне. Срочно! Бегом марш!

Первоначально удовлетворённый лёгким избиением интерна-младенца начмед вернулся в кабинет. А Софья закончила манипуляцию и потопала предстать пред его начальственные очи, гадая, зачем это она понадобилась Павлу Петровичу.

Вежливо постучав и услышав разрешительно-скрипучее «Войдите!», Соня решительно нажала на дверную ручку и вошла.

– Вызывали, Павел Петрович?

Многие, годами бок о бок работающие с не слишком благоволящим к ним начальством, знают некоторые бихевиористические особенности подобного рода сосуществования. Пока Павел Петрович выдерживает «мхатовскую» паузу и смотрит на Софью Константиновну, как на... ну, вы знаете, как на что... вклинимся с короткой инструкцией и щедро поделимся нашими сакральными знаниями с миром настоящих, начинающих и будущих подобных подчинённых. Итак, инструкция.

КАК МИРНО И ЭФФЕКТИВНО СОСУЩЕСТВОВАТЬ С НЕТОЛЕРАНТНЫМ К ВАМ НАЧАЛЬСТВОМ

1. Всегда будьте вежливы. Пример: даже если вчера вечером вы написали заявление об уходе, сегодня утром скажите начальству (не заискивающе, но и не заносчиво – спокойным (в меру бодрым, в меру умиротворённым) тоном, ровно так, как вы здороваетесь с дворником, если он, конечно, есть в вашем дворе): «Здравствуйте!» Потому что вы действительно желаете здоровья всему живому, и ещё потому, что мама с папой вас хорошо воспитали.

2. Всегда следуйте должностной инструкции в том, что касается формы работы. Вовремя выполняйте должное. Если ваша работа предполагает офисный дресс-код, не стоит являться на службу в короткой майке без лифчика и в трусах, именуемых в каталоге последней коллекции прет-а-порте шортами. Если вы сотрудник ЛПУ (лечебно-профилактического учреждения), то ваш халат должен быть белым и чистым, вне зависимости от того, кто у власти – самодур или Великий Мудрый Администратор. Тапки – моющимися,

нос – без признаков заложенности, а глаза – без следов конъюнктивита (вне той же зависимости).

3. Если вас (гениального и ответственного) вызывают к вышестоящему начальству с вашим начальством непосредственным – соблюдайте субординацию. Молчите, пока вам не дадут слова. Не рекомендуется также невербальное выражение своего отношения как к начальству, так и к ситуации, на предмет который вы оба вызваны «на ковёр». У вашего «гада-начальника» куда больше опыта, и это именно тот (нередкий) случай, когда вы можете ему довериться. Подставив вас, он подставит себя. И он это понимает, так как начальник здесь он, а не вы. В противном случае расстановка сил была бы иной. Так что волей-неволей именно он сейчас будет вас отстаивать, даже если на самом деле хочет нанести вам тяжкие телесные или хотя бы покрыть матом. Потому потренируйтесь перед зеркалом (или на маме, папе, тёще, свекрови) в приобретении навыка нейтрального выражения лица.

4. Не лебезите никогда, но и не хамите. Даже если ваше непосредственное начальство вдруг пришло в игривое состояние духа и, сидя или стоя в непосредственной близости от вас, шутит или сплетничает – не хохочите, как в детстве при виде клоуна, и не сообщайте ему таинственным шёпотом все известные вам (или выдуманные вами) сведения о предмете сплетни. Помните – на месте того, над кем сейчас насмеются или о ком сплетничают, завтра (или даже уже сегодня) будете вы. Изобразите бурную бизнес-деятельность: уткнитесь в бумаги, в монитор, схватитесь за телефонную трубку и симулируйте важный разговор. В крайнем случае – сохраняйте дебильную полуулыбку отрешённого от всего мирского Будды.

5. Если волею судеб вы оказались с непосредственным начальством за одним праздничным столом (увы, такое частенько случается, и не всегда представляется возможность этого избежать) – сядьте как можно дальше и не напивайтесь. За вами наблюдают!

6. Если напивается начальство – наблюдайте! Но не спешите поделиться своими наблюдениями с окружающими. Начальство протрезвеет – и с ним поделится вашими наблюдениями.

7. И, наконец, самое главное: победителей не судят, так что просто хорошо делайте свою работу. По сути. Не забывая о форме.

8. *Совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это оттого, что он пренебрегает личными интересами? Напротив, он действует согласно своим личным интересам.* Это высказывание Лао-Цзы здесь не ради осуществления идей Алексея Максимовича Горького и Герберта Уэллса (ещё одних великих утопистов-психопатов): обучить всё человечество всему в условиях равномерного распределения колбасы на душу населения планеты, а только и только по делу. Перечитайте курсив, отложив бутерброд, вдумчиво, несколько раз – и вы поймёте, что великий китайский мыслитель тоже просто писал инструкцию, остающуюся актуальной по сей день.

Поскольку Софья Константиновна почти всегда (день знакомства с начмедом не в счёт) следовала этим нехитрым пунктам (по крайней мере, очень старалась), то и в лицо заместителя главного врача по лечебной работе она смотрела без страха, без иронии, без любопытства, а как Штирлиц на Мюллера (или благородный муж на мир – см. пункт о нейтральном, *несчитываемом*, выражении лица).

– Заходите, Софья Константиновна! – милостиво разрешил начмед. – Вызывал. Присаживайтесь, – он переложил стопку важных бумаг справа налево. – Тут вот какое дело...

В этот момент зазвонил телефон, и Софья Константиновна всё с таким же выражением лица прослушала крики Павла Петровича на заведующую женской консультацией, входящей в состав родильного объединения.

– Никто работать не хочет! – швырнув трубку на место, громко пожаловался начмед Соне. Последняя вместо ответа добавила к вышеописанному выражению лица полуулыбку из пункта 4 вышеприведённой инструкции.

– Ну и вот, значит, Софья Константиновна... – Соня продемонстрировала обращение в слух и внимание, но без ёрнических перегибов.

– Да, – утвердительно кивнул начмед книжному шкафу. – Да! – акцентировал он в окно. – Значит, так, Софья Константиновна!

Софья успела перелопатить весь предыдущий месяц на предмет осложнений, дефектуры и прочих лечебно-профилактических перипетий, а также возможные административные нарушения, кои она могла совершить на посту старшего ординатора с положенными ему по штатному расписанию двумя ночными дежурствами в месяц. Нет. Ничего. Ничего такого, что осталось бы безнаказанным, а дважды за одно и то же не осуждают нигде, кроме как в народной молве. Там это дело без ограничений процветает во все и на все времена...

– Вот, значит. Пишите! – Романец многозначительно пододвинул к Софье листок формата А4.

«Увольняет? За что?!» – испуганно пронеслось у Сони где-то в районе фронтальной пазухи. Даже самые дрессированные из нас испытывают порой приступы немотивированного ужаса. И чем безгрешнее мы, тем непонятнее, а значит – первобытнее, необъяснимее – подобного рода страх. Хотя всё тот же *благородный муж не печалится и не испытывает страх. Если, взглянув на свои поступки, видишь, что стыдиться нечего, то отчего же ещё можно печалиться и испытывать страх?* Но поскольку Софья Константиновна не была Конфуцием (а может быть, потому что была не благородным мужем, а молодой женой), то некоторые опасения её всё же терзали.

– Пишите! – сказал Романец. – Главному врачу родильного дома от старшего ординатора... С фамилиями и порядковыми номерами, разумеется. Как писать «шапки», вы, слава богу, знаете. Что я вам тут, диктанты подвизался начитывать?! – Павел Петрович нервно хлопнул пухлой ручкой по столу.

Соня мужественно настрочила «шапку» и даже без лишних понуканий вывела посередине белого листа фатальное слово «заявление».

– В конце «шапки» ставится точка. А «Заявление» пишется с заглавной! – начмед выхватил листик у старшего ординатора из-под рук, скомкал и бросил в корзину для бумаг, стоящую у него под столом. – Пишите заново!

Соня исполнила. Молча и беспрекословно (см. Конфуция). Нет уж, чтобы там ни было и какие бы неприятности ни ожидали её после зловещего каллиграфически выведенного слова «Заявление», она не обрадует узурпатора расспросами и виду не подаст, насколько ей сейчас тревожно. Если что – пусть ещё докажет! Уволить человека – это вам не фу-фу! По собственному желанию? Никогда! А должностных нарушений, равно как и нарушений распорядка, за ней не числится. Так что ещё повоюем, чтобы вы такую статью, гражданин Романец, разыскали, по которой старшего ординатора Заруцкую уволить можно! Дуля вам с постным маком, Пал Петрович!

– Написали? Отлично!

Романец встал, заложил ручки за спину и стал смотреть в окно.

Ох, как же ему хотелось завопить этой высокомерной гордячке: «Что молчишь как рыба, а?! Страшно? Что вопросов не задаёшь?! Я, конечно, знаю, что ты меня презираешь и ни в грош не ставишь, а зря! Я ещё ого-го! Во всех смыслах, тля малолетняя!» Но он всё-таки был сейчас заместителем главного врача по лечебной работе. Хотя разбить у этой Соньки на голове горшок с фикусом было бы неплохо. Ох, неплохо! Её бы госпитализировали в нейрохирургию. В коме, скажем. А он бы носил ей фрукты и целовал бы пальчики, ах, как она ему нравилась, эта паскудная девка... С первого дня её интернатуры! Зачем ей в коме фрукты? Очень умно для начмеда. Что, начмед вам не человек, да? Не мужчина? Не заслуживает, не достоин, не-не-не? Много вы понимаете, дряни! Ну а без её комы он скорее помрёт, чем будет целовать ей пальчики. Но если треснуть её фикусом по голове до комы, то, пожалуй, посадят. Так что... Да. Во всём виноваты главный врач и не вовремя психанувший пенсионер Пётр, мать его, Валентинович. И, конечно же, неведомый министерский мажор! А отдуваться за всех перед этой молодой, красивой, недоступной, чужой, увы, девкой – ему. Павлу Петровичу. А ведь он намекал ей, что будь она поласковее... Так она лупила на него свои глазищи и немедленно отходила в сторонку. На любом дне рождения, на праздновании юбилея родильного дома, на-на-на! Тварь! Ещё и по морде публично отвесила, когда намёк стал чересчур... тяжеловесным. Так! Он тут начмед, а не гормонально-неустойчивый юноша. Взять себя в руки! Принять Метафизического Пустырника!

В своеобразном чувстве юмора Романцу было не отказать. И за его толстой кожей и пороссячими глазками, где-то там – глубоко-глубоко, в самых недрах, например, турецкого седла, под гипофизом, гнездились и самоирония, и самокритика, и умение анализировать, и шутить, и выдумывать. Иначе бы за что его любили женщины, и не только пациентки, и не только за стройматериалы? Иногда он даже улыбался и становился мимолётно мил и моментально обаятелен. В общем, нет ни единой твари, совсем уж напрочь обделённой боженькой. Вот и Романец был не лишён... Но он с собой боролся, и он себя побеждал! Потому, немного пофантазировав на тему Софьиной комы, из которой он вполне бы мог её пробудить поцелуем, пусть не прекрасного, но вполне себе принца, посердившись и похихикавши про себя вдоволь, он соорудил серьёзную мину и наконец повернулся к окну задом, а к столу передом.

– Что молчите?! – рявкнул начмед на Софью Константиновну.

– Я написала.

– Пишите дальше. «Прошу перевести меня с должности старшего ординатора наблюдательного отделения на должность исполняющего обязанности заведующего наблюдательным отделением». Дата. Подпись.

– Павел Петрович, я не хочу исполнять обязанности заведующего отделением, – сказала Софья Константиновна, отложив ручку.

– А тут никого не волнует, что вы хотите или не хотите! – завопил побагровевший начмед. – Распоряжение главного врача! Пётр Валентинович ушёл на пенсию, но вы, кстати, тоже губы-то особо не раскатывайте! Потому что на это место уже есть человек. Нам надо просто заткнуть на некоторое время дыру! – Павел Петрович нашарил в кармане сосательную конфетку, по фрагментам отлепил от неё присохшую обёртку и, закинув себе в рот кусочек мятной прохлады, немного успокоился.

– И вам хороший опыт будет.

«Что сказать? Что я должна посоветоваться с мужем? Что я почти уже решила на ребёнка? Глупости какие. Что я, русская крестьянка, чтобы без мужниных указаний не принять решения? Ребёнок столько времени ждал – ещё пару месяцев подождёт. К тому же прав этот злобный гoblin – опыт-то действительно отменный. В любом случае. И послужной список украсит!»

Одним из неоспоримых достоинств (быстро оборачивающимся в недостаток в случае неуместного применения) Софьи Константиновны было то, что она ни над чем никогда долго не раздумывала. Особенно в случаях плюс-минус очевидных. Ведь это же очевидно, что исполнение обязанностей заведующего отделением куда выше стоит по иерархической лестнице, чем ступень старшего ординатора. А Соня была не лишена честолюбивых амбиций, ох, не лишена. Кто сам лишён – тот пусть камнями не кидается, а сидит себе по уши в своём дауншифтинге и не чирикает, потому ему и так хорошо. А кто каркает и клювами щёлкает – тот просто-напросто лишенец, коему не досталось, и никакие надуманные кухонные философии не изменят этого прозрачного для разумного человека положения вещей.

Соня быстро написала текст, поставила дату и расписалась. Начмед хищно выхватил листик и помахал им в воздухе.

– Ну вот. Идите работайте, Софья Константиновна. На завтрашней пятиминутке представлю вас коллективу в новом, так сказать, качестве. – Он злобно хихикнул. – Надеюсь, вы понимаете, что наличие кабинета – всего лишь временно вашего – не даёт вам хоть каких-нибудь привилегий?

– Понимаю, Павел Петрович, – спокойно (см. мануал парой страниц ранее) сказала Соня. Встала. Аккуратно придвинула стул к столу и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Дальше действие должно было бы развиваться, как в мультфильмах Тэкса Эйвери – герой истошно орёт, радостно прыгает или горько плачет, подтверждая свою сценическую репутацию – слегка туповатого, но решительного и находчивого субъекта. Должно было бы, но не будет. Потому что у нас, в конце концов, не мультфильм, а повествование, наполненное вымышленными, но очень живыми людьми, и ведут они себя в соответствии с жанром реализма, как самые настоящие люди, а не мультипликационные герои. К тому же за закрытой дверью первой главы сразу откроется дверь в главу вторую. А вторая глава будет вовсе не о Софье Константиновне Заруцкой, внезапно загремевшей со всего лишь капитанскими погонами на явно майорскую должность (простите, из старших ординаторов – в И.О. заведующего отделением). Не о Павле Петровиче, не о прочих сотрудниках и не о событиях одного из родильных домов нашего (а может быть, вашего) города. А о некоей Екатерине Владимировне, не имеющей ни к медицине, ни даже к её антуражу ни малейшего отношения. И написано на двери второй главы будет:

Глава вторая

Пупсик. доминирующая роль творческого начала

Колбасы (и даже трюфелей) Екатерине Владимировне доставало с самого рождения. Поэтому в оставшееся от поедания деликатесов время она читала и «Опыты» Монтеня, и максимы и мемуары Ларошфуко, и «Войну и мир» Льва Толстого, и даже Гессе – «Игру в бисер»... И всё-таки по порядку.

Екатерина Владимировна Владимировной никогда не была. Ни в детстве, ни в отрочестве, ни в юности, ни сейчас. Хотя отца её действительно звали Владимир. Он же Владимир Петрович. Он же – Володя – для домашних и Вован – для собутыльников (или Вовчик, смотря сколько примут). А собутыльники у Владимира Петровича были не какие-то грузчики из соседнего овощного. И не писатели. И не актёры-музыканты и прочая убогая совковая богема. Собутыльники у Вована были самые что ни на есть серьёзные – *аппарат*. И сам Владимир Петрович тоже был *аппарат*. Из чего можно сделать вывод, что Екатерина Владимировна, и к тридцати не удостоившаяся отчества, несмотря на все достижения (впрочем, на тех нивах, где она нынче осуществляла жатву, отчества не особо в чести), родилась с серебряной ложечкой во рту. Маме же её на день рождения дочери (не нынешний, разумеется, а тридцатилетней давности) был подарен килограммовый слиток. Настоящий, натуральный, прямым из золотовалютного фонда. Или национального банка? Или золота партии?.. Не важно. Это вопросы из серии: «Что больше весит – килограмм золота или килограмм лебяжьего пуха?» Суть-то всё равно не в килограммах, а в отношении. Это вам любой ёжик в лесу скажет. Но мы-то не ежи. Вот и приходится всё разъяснять да подчёркивать.

Так что по той самой сути правильно, что рабу божию Екатерину Владимировну сразу после рождения (и незадолго до крещения) нарекли Пупсиком и сдали на уход, кормление и воспитание очень хорошей простой крестьянской женщине. Не подумайте, что её натурально сдали на воспитание в деревню, как это принято во французских или английских романах позапрошлого века. Конечно, нет! Просто в отличных стометровых хоромы в центре нашего (или вашего – если вы живёте в одной из столиц нашей Родины) города нашлась комнатка для няньки. Домработница убирала стометровку, ходила на рынок, готовила бутерброды из колбасы с трюфелями и выполняла всякие мелкие хозяйские поручения – то есть всё то, что делает самая обыкновенная женщина (в случае *работы* этой домработницы – минус служба и дети), а целиком и полностью для Пупсика была нанята отдельная тётя.

Домработница с нянькой иногда вместе пили чай, помешивая ложечкой сплетни, вприкуску с *аппаратным* пайком, а также частенько ссорились, как соседки на пролетарской коммунальной кухне. Ссоры, как правило, возникали потому, что нянька принималась поучать домработницу, как натирать паркет и делать правильную фаршированную рыбу, а та, в свою очередь, давала товарке советы по воспитанию и уходу за младенцами. И обе пополам – что в январский мороз, что в пыльный июльский зной – с одинаковой горячностью выясняли, что лучше сегодня нацепить на Пупсика. После чего непременно мирились и клялись в вечной любви и верности. Сначала друг другу, а потом – хором – Пупсику. Эти трое – домработница, нянька и Пупсик – и были самой что ни на есть крепкой ячейкой общества, замурованной липким воском застоя в стометровую соту «сталинки».

Вован всё время работал в таинственном *аппарате* и, судя по всему, отдыхал там же. Маленькая Пупсик знала, что утром и днём в *аппарате* всё очень серьёзно. Нередко в *аппарате* случаются *чепэ* (она не знала точно, что это такое, но её домработница и нянька во время *чепэ* ходили по стометровке тихо и без лишней надобности не отвечивали, запираясь либо каждая у себя, либо обе вместе в комнате Пупсика). Когда очередное *чепэ* заканчивалось, то

кого-нибудь обязательно *снимали*, и папа Володя потом долго *парился* в *аппарате* или в бане, а иногда пил сам с собой или даже с домработницей и нянькой на кухне, радуясь, что *сняли* не его. Пупсик не понимала, чему папа Володя так радуется, потому что и домработница, и нянька, а следовательно, и Пупсик очень любили кино, а ведь именно кино, как известно, *снимают!* Они втроём – домработница, нянька и Пупсик – очень часто ходили в кино, благо оно было прямо в их доме. В очень большом доме нашего (да, всё-таки нашего, увы и ах!) города располагался вполне себе *культовый* кинотеатр.

Где была мама Пупсика большую часть времени – сказать сложно. Потому что неизвестно. Но когда она была – то всегда была красивая, стройная, загорелая, пахла очень хорошо, а не так, как домработница или нянька, хотя Пупсику всё равно больше нравилось, как пахнут именно нянька и домработница, а не эта красивая малознакомая женщина-мама. Когда та появлялась, она обязательно тискала Пупсика, а когда ей надоедало её тискать – а надоедало ей ровно за то время, что Пупсик произносила про себя нянькин стишок: «Идёт бычок качается, вздыхает на ходу, ах, доска кончается, сейчас я упаду!» – малознакомая женщина-мама дарила Пупсику игрушки и красивые вещи и говорила Пупсику, что все те стишки, что та уже знает, вовсе не нянькины. Пупсик сердилась на эту малознакомую женщину-мату, и не понимала, почему она обижает её родную няню, и даже иногда топала толстой ножкой. Правда, потом всегда раскаивалась и шла просить прощения. Ну, если быть честной, не сама раскаивалась и добровольно шла, а по настоятельной просьбе (или даже несильному шлепку по пухлой попе) своей воспитательницы. Перед кем только не унизишься и чего только не сделаешь для родной няни!

Иногда малознакомая женщина-мама наряжала Пупсика в красивые глупые тряпки и выводила её *в свет* или просто *в приличное общество*, и это было ужасно! *В свете* надо было быть *хорошим Пупсиком*, мило улыбаться незнакомым дядям и тетям и *хорошо играть* с детьми незнакомых дядь и тетё. Дети эти не умели лепить куличики и бросать монетку об монетку так, чтобы они переворачивались. Дети эти были похожи на говорящих кукол. Пупсик их пару раз даже пребольно ущипнула, после чего они стали самыми обыкновенными сопливыми плачущими детьми. «Боль, горе и несчастье уравнивают всех!» – говорила родная няня, когда выгулянную *в свет* Пупсика малознакомая женщина-мама сдавала той с рук на руки. Та снимала с неё противные скрипяще-скользящие платья или матросские костюмчики, белые гольфы, от которых на ногах оставались некрасивые красные вдавленные круги, и лаковые туфли на каблучках – родовое прокрустово проклятье любого Пупсика. Аккуратно развязывала банты, упорно именуемые маленьким Пупсиком «бинтами», расчёсывала прежде накрученные локоны, забрызганные противным едким и липким лаком, купала в ванной, и счастливая Пупсик засыпала сладко-сладко и спокойно-спокойно. Зная, что малознакомая женщина-мама теперь очень долго никуда не будет её выводить. И уже завтра можно будет в мягких потрёпанных сандалиях на босу ногу и в простом, приятном на ощупь платье (а ещё лучше – в шортах и футболке), которые можно пачкать, они с родной няней пойдут гулять куда-нибудь далеко от этого дома и двора.

Родная няня рассказывала Пупсику сказки и всякие забавные истории, а малознакомая женщина-мама водила в театры и заставляла учить какого-то непонятого *Шекспира*, чтобы потом *в свете* бубнить всё это *внятно* с табурета. Если, конечно, у малознакомой женщины-мамы было время на проверку. А оно было, потому что проверяла она хоть и редко, но зато выборочно. С любого места. Малознакомая женщина-мама отчего-то знала наизусть много всего такого очень умного, вроде огромных кусков текста даже в прозе, и подрастающий Пупсик проникалась к этой красивой холёной женщине уважением. Но к родной няне – ещё большим, потому что та учила Шекспира и унылые (на взгляд Пупсика) пьесы Чехова вместе с Пупсиком и, получается, знала всё равно больше малознакомой женщины-мамы, потому что та не знала сказок и забавных историй родной няни. Позже, когда Пупсик познакомилась с мало-

знакомой женщиной-мамой поближе, оказалось, что та – знаменитая актриса и известна всей стране. Кем бы вы выросли в семье знаменитой актрисы и папы из *annapapa*? Избалованным мажором. Мажоркой. А Пупсик выросла хорошим человеком. Это уметь надо, между прочим!

Пупсик никогда не фыркала на детей из неравных семей в тех далёких от дома-двора парках и на площадках, а напротив – всегда делилась с ними диковинными игрушками, за что от них же ещё и огребала сполна, и никогда свои игрушки назад не получала. Или получала в сильно поломанном виде. Но Пупсик не плакала, а лишь вздыхала по-старушечьи, но не горько, а понимающе. А ещё она очень любила разыгрывать для разношёрстной растрёпанной детворы «спектакли», где была и Серым Волком, и Иваном-царевичем, и Царевной Несмеяной, и Вещим Олегом, и даже черепом его коня. Тут же перевоплощаясь в череп бедного Йорика, в живого Гамлета и в мёртвую Офелию. Детвора была в восторге и смотрела и слушала, раскрыв рот, иногда замирая от переполнявшего непонятно с чего счастья или ужаса. Когда родная няня рассказывала о таких упражнениях Пупсика малознакомой женщине-маме, та взирала на дочь с интересом и просила повторить. Но под слегка насмешливым её взглядом Пупсик леденела, каменела, не знала куда девать руки и, пытаясь вспомнить книжный текст слово в слово, напрочь утрачивала способность к импровизации. Малознакомая женщина-мама говорила чуть расстроено: «Ну, ясно!» – и затем добавляла, обращаясь к родной няне:

– Обычные детские забавы, ничего особенного, собачка не выйдет!

– Какая собачка?

– Есть такой старый театральный анекдот, – объясняла, обращаясь к родной няне, малознакомая мама. – В провинциальном театре ампула «Кушать подано!» всегда приходил на репетицию с собачкой. Собачка ложилась под кресло первого ряда и терпеливо ждала окончания репетиции. Она всегда безошибочно определяла, что репетиция спектакля уже закончена, даже если актёры всё ещё оставались на сцене, ходили, переговаривались, курили. Как она определяла, что репетиция прекратилась, никто не понимал. Но как только она прекращалась, собачка вставала из-под кресла и выходила на сцену, к хозяину. Однажды в провинциальный театр занесло известную столичную знаменитость. Прогоняли спектакль с участием местных «Кушать подано!». Как только столичная знаменитость произнесла первые слова своей роли – собачка вышла на сцену. Видимо, как любое животное, она чётко определяла, когда заканчивается театральность и начинается искренность. Настоящий актёр всегда должен работать так, чтобы выходила собачка.

Эта история Пупсика очень расстроила, и она одно время даже хотела собачку, но малознакомая женщина-мама только рассмеялась и сказала, что выходить должна именно чужая собачка, потому что в своей своре и стае все любят всех за всё, а не за талант или гений. Иногда малознакомая женщина-мама бывала очень даже ничего – и уж точно всегда гораздо умнее родной няни, но родную няню Пупсик всё равно любила, а малознакомую женщину-маму уважала и даже восхищалась ею, но побаивалась.

В школе она училась, разумеется, *специальной*. Не в том смысле, что в школе была в особом почёте математика или там углублён до элементарного разговорного английский. А в том, что школа была в *специальном* районе для *специальных* детей *специальных* родителей. Но она умудрилась и там не стать снобкой. Родители хотели, чтобы Пупсик была круглой отличницей, но она сама этого не очень хотела. Точнее – у неё не слишком получалось, сколько бы родная няня ни просиживала с ней над алгеброй и геометрией. Бедная-бедная родная няня. Ей доставалось больше всех, но она стоически всё сносила и получила от Владимира Петровича шутивную кличку «Почётный Буфер». Не выходило из Пупсика круглой отличницы, потому что в специальной школе было очень много специальных детей, и делать из всех круглых отличников даже специальному директору специальной школы району не разрешало. Но, в общем и целом, училась Пупсик неплохо, и по гуманитарным предметам у неё были отличные оценки,

а по естественным – хорошие. Удовлетворительных не было вовсе. Впрочем, троечников в специальной школе не было и быть не могло. Сплошные отличники и хорошисты. Видимо, специальный директор сумел убедить районный отдел народного образования в необходимости отсутствия в специальной школе неуспевающих учеников. Разве могут быть у *специальных* родителей *посредственные* дети? Да ни в коем случае!

Пупсик много и хаотично читала, играла в школьном театре, и на каждой премьере драмкружка сидела в первом ряду родная няня и утирала слёзы в уголках глаз краешком носового платочка.

Всё ещё не слишком знакомая женщина-мама была категорически против поступления Пупсика во ВГИК, ГИТИС, «Щуку» или хоть что-нибудь, связанное со сценой или объективом. Видимо, слишком хорошо знала цену всему околотеатральному, не говоря уже о фунте кинематографического лиха.

– Да и нет в тебе этого!

– Чего этого, мама? – спрашивала Пупсик.

– Стервозности. Гнилости. Надрыва. Нет. И не надо, – вздыхала уже чуть ближе знакомая женщина-мама, как будто немного сожалея о том, что ничего этого в её родной дочери нет. – Когда же вы научитесь пить чай, не прихлёбывая?! Столько лет в Москве! – тут же нервозно повышала она свой безупречной красоты тембра голос на няньку.

– Мама права, – соглашалась родная няня, привычно пропуская хоть и редкие, но регулярно имеющие место воспитательно-этикетные ремарки в свой адрес. – Нет в тебе всего этого. Ты там не выживешь.

На филологический Пупсику тоже не разрешили поступить.

– Ты там никогда замуж не выйдешь! С твоими данными – да в сплошь женском коллективе...

К чести знакомой женщины-мамы, она вовсе не имела в виду, что её плоть от плоти ниже её ростом, шире в бёдрах, покатее в плечах, да и овал лица вовсе не так аристократичен, как её собственный. А того, что: «Вся в матушку Владимира Петровича!» – вообще никогда и никому не говорила. Вот что «кокетничать не умеет» – так то правда. Заинтересовать не способна, тютя-матютя, книжный червь, и спина сутулая, хоть и водили её на танцы. Чуть что – краснеет. Чуть что сильнее – синеет и впадает в ступор. Помнится, сын Фёдора Ивановича её в кино пригласил, так она расплакалась и в свою комнату убежала. Только нянька и смогла успокоить. А на филфаке и не пригласит никто. Разве что лесбиянку туда нечаянным ветром перемен занесёт.

В общем, запихнул Пупсика Владимир Петрович на какой-то факультет МГИМО. Оказалось, что в международных отношениях столько всевозможных оттенков, что каждому ребёнку аппарата, закончившему специальную школу, найдётся в гамме своя, специальная, нота.

Училась в вузе Пупсик хорошо. Даже отлично, в отличие от школы. Потому что на факультете не было ни математики, ни физики, ни химии, а одни сплошные языки да их экономики. И куда, казалось бы, экономике без математики, но Пупсик обходилась. Потому что для того, чтобы освоить институтскую программу, аналитический склад ума вовсе ни к чему, а только память и усидчивость. Так что свои пятёрки она получала вполне заслуженно, хоть ни инициативой, ни идейностью особой не отличалась. Училась и училась. Не активистка, не возмутитель спокойствия, не очередной пионер давно открытого, снова закрытого и опять эксгумированного. Институт – дом – ванная комната и спать. Ни дискотек, ни ресторанов, ничего

такого, что положено юному существу на выданье. С нянькой на балет разве что сходят. Да иной раз пошепчутся на ночь глядя.

Ту так никуда и не уволили. Потому что привыкли, любили как родную, всё-таки у Пупсика были очень хорошие родители, да и деньги не переводились. Папа из старого аппарата «культурно» – как он сам выражался – перешёл в новый. «Главное – в нужный момент оказаться достаточно далеко от Фороса, а дальше – само наладится», – частенько говаривал он за столом. Так что ничего в их жизненном укладе не изменилось.

Пару раз Пупсика отсылали за границу. То, как принято в хороших домах, – в Англию, а то и, как в домах похуже, – в Германию. Поучиться, осмотреться, хорошо время провести. Пупсик прекрасно выучила языки и ещё меньше стала понимать, зачем нужны какие-то международные отношения, если ты можешь уточнить всё, что тебе надо, не в правительствах, парламентах, конгрессах, думах и прочих аппаратах, а прямо на улице у доброжелательного прохожего или в магазине у вышколенного улыбчивого продавца.

В общем, пока Пупсик соображала, что же ей делать дальше, папа купил ей пентхаус на Кутузовском, куда она и переехала, прихватив родную няню. Элегантная знакомая женщина-мама сказала папе-аппаратчику как-то вечером, когда она не была на гастролях, а у папы не было ни чепэ, ни пьянок:

– Может, хоть замуж выйдет побыстрее и будет счастлива?

Но Пупсик не вышла *побыстрее*. Она целый год читала книги. Читала, читала, читала. Потому что при родной няне не надо было держать спинку ровно. При ней можно было лопать ватрушки со сладким чаем (с очередным романом) на ночь, прямо в кровати, а о фигуре заботиться было не нужно. Если честно, пределом мечтаний обеспеченного мамой и папой и лишённого хоть каких-то бытовых забот родной няней Пупсика было рождение ребёнка. Да! Пупсик яростно хотела родить девочку и стать ей *родной* мамой. Вот глупая, не правда ли? Нам бы её возможности, уж мы бы эге-гей! А она хотела всего лишь родить и стать родной мамой.

Знакомая женщина-мама изредка заезжала в дочерний пентхаус без предупреждения и устраивала скандал родной няне и, конечно же, дочери. Первой – за растление, попустительское и полное отсутствие дисциплины. Второй – за ожирение (сорок восьмой размер!), безынициативность и халатность по отношению к себе (в прямом и переносном смысле).

– Как можно ходить в халате?! – возмущалась она с финальными интонациями Отелло. – В твоём возрасте надо быть всегда готовой. И следить за фигурой! И не только в твоём!

– Мамочка, ходить дома в халате очень удобно, – возражала Пупсик. – Хочешь чаю?

Знакомая женщина-мама чаю не хотела, хотя родная няня Пупсика виртуозно заваривала чай по всем положенным канонам. Но женщина-мама пила минеральную воду без газа и хотела, чтобы Пупсик: 1) похудела; 2) поумнела; 3) сделала карьеру; 4) и вообще соответствовала положенному образу дочери народной артистки России и высокопоставленного чиновника аппарата.

А Пупсик этого всего не хотела, и после того как благородный ураган уносился прочь, они с родной няней пожимали плечами, хихикали и садились пить чай с булками, с маслом, с вареньем, с сыром, с икрой и прочими жутко калорийными продуктами.

После института, когда однокурсников устраивали в высокие международные отношения или приличные СМИ, родители решили устроить Пупсика замуж. И устроили. Они познакомили Пупсика с богатым разведённым приятелем, чуть не их одногодкой (ну уж точно по возрасту более подходящим им, нежели ей). Мужчиной всяческих достоинств, большой души и

немалых банковских счетов. Ему, по правде сказать, давно нравилась пухлая Пупсик, с персиковой пушилкой на нежной молодой коже, совершенно не гламурная, не злая, не костистая, как его первая жена, откусившая при разводе весомый кусок от пирога его состоятельности. Весомый, но не фатальный. Ему хотелось тихой и милой пристани, а не постоянного ожидания безумств. Ему хотелось... В общем, ему хотелось Пупсика, а всё остальное – так – якобы разумные аргументы. Чтобы, типа, было о чём поговорить. Не может же он позволить себе выглядеть влюблённым, как малолетка! Но женщина-мама Пупсика была очень хорошо знакома со всеми отличительными признаками влюблённого мужчины. В этом деле она была просто гений и дока. Потому, лишь уловив витающее в воздухе гостинной томление стареющего, но ещё крепкого жеребца-приятеля при виде её уже вполне сформированного жеребёнка, тут же попросила друга семьи сопроводить Пупсика на премьеру, куда они с дочерью собирались вместе, но внезапные дела-дела-дела...

Пупсику было спокойно и приятно с Алексеем Михайловичем. Куда спокойнее, чем с ровесниками. И потому пару театральных премьер, дорогих ресторанов, корзин цветов и приличествующих подарков спустя он по-отечески ласково лишил её девственности. В связи с чем и в благодарность за проявленные нежность и терпение был переименован Пупсиком в Алёшу. Сразу же вслед за этим последовало предложение руки и сердца. А следом – морское путешествие, после которого они нешумно, но очень аристократически недёшево поженились.

Пупсику с ним было надёжно и благостно. Ему с ней было уютно и хорошо. И ещё он её любил. И она его. Потому что при нём наконец можно было спокойно возлежать в мягких подушках и читать, читать, читать, закусывая максимы и сентенции трюфелями, а детективы – конфетами и печеньем. Пупсик наконец-то обрела семью, о которой с детства мечтала: она, родная няня и муж, скорее напоминающий доброго отца. Для полного и окончательного счастья не хватало только ребёнка, чтобы стать ему *родной* матерью.

И Пупсик принялась изо всех сил жить половой жизнью со своим ласковым мужем.

С наскака не удалось. И немного поплавав над отрицательным тестом, купленным и использованным, несмотря на вовремя пришедшие «критические дни» (а вдруг?! такое тоже бывает!), Пупсик почти не расстроилась.

Через полгода она знала о фертильности всё. Например, то, что половые клетки начинают вырабатываться ещё до рождения. И что когда она, Пупсик, лежала у тогда ещё совсем незнакомой женщины-мамы в животе, то каждая её, Пупсика, незрелая яйцеклетка, окружённая собственными гормонпродуцирующими (гранулёзными) клетками, формировала первичный (премордиальный) фолликул. Что после того как она, Пупсик, была зачата совсем незнакомой женщиной-мамой и уж и вовсе не известным ей тогда папой Володей, её, Пупсика, крошечные яичники уже к трём неделям внутриутробного возраста имели около ста тысяч первичных фолликулов. А к шести месяцам внутриматочного проживания их было уже около семи миллионов. Ко времени её, Пупсика, рождения выработались все – ВСЕ! – фолликулы, которые будут на протяжении всего детородного периода Пупсика, начиная с полового созревания и до самой-самой менопаузы, каждый месяц выпускать готовую к оплодотворению яйцеклетку из организма Пупсика во время менструального цикла. Пупсик знала, что к половой зрелости из каждого полумиллиона первичных фолликулов остаётся всего лишь около тридцати-сорока тысяч, а остальные погибают или же подвергаются обратному развитию. В среднем из оставшихся полностью созревают всего лишь около пятисот! Надо спешить! Фолликулы конечны! Ох-ох-ох! А если ещё разобраться с пресловутым менструальным циклом!..

Так-так... Один раз в месяц в течение репродуктивного периода организм Пупсика готовится к беременности. Каждый месяц созревает яйцеклетка в одном из яичников и выходит в фаллопиеву трубу. Овуляция! Пред овуляцией яичники Пупсика вырабатывают большое количество эстрогенов. Эти гормоны стимулируют внутренние стенки матки – эндометрий Пупсика, чтобы они стали плотнее для принятия яйцеклетки, если она, конечно же, будет опло-

дотворена Алексеем Михайловичем. То есть давно уже, разумеется, Алёшей. Так-так-так... Период роста эндометрия в Пупсике называется фазой пролиферации. «Пролиферация» – слово-то какое неблагозвучное! Нет! В деле изучения фертильности нет неблагозвучных слов, а одна сплошная музыка сфер... Постепенно увеличивающееся количество фолликулостимулирующих гормонов гипофиза Пупсика вызывает рост множественных фолликулов в яичниках Пупсика («Фуф! Слава богу, не в гипофизе!»). Через несколько дней один из фолликулов становится доминирующим, выходит на поверхность яичника и напоминает наполненный жидкостью пузырёк диаметром примерно двадцать миллиметров – и начинает вырабатывать этот самый эстроген. Внутри фолликула Пупсика находится яйцеклетка Пупсика. Бахромки фаллопиевых труб Пупсика после того, как совершается овуляция, передвигают яйцеклетку в фаллопиевую трубу, где она находится в ожидании оплодотворения. А если оплодотворения не происходит, то – а-а-а!!! – оплодотворения не происходит, яйцеклетка умирает и исторгается из тела Пупсика вместе с уплотнённым эндометрием во время менструации.

Яйцеклетки умирают и умирают! Овуляция минус и минус! Резерв истощается! Что же делать?!!

Пупсика охватила паника. Сколько же уже из этих теоретических пятисот зазря израсходовано?! Сколько ещё пропадёт впустую? С математикой у неё всегда было плохо, а склонность к чтению и романтизм развили ненужную тревожность. Пупсик решила, что у неё уже либо все фолликулы кончились, либо даже и не начинались, и с ней что-то не так. Пупсик понеслась в лучшую клинику репродуктивного здоровья на обследование. На всякий случай. Ну и потому что паника.

Понеслась втайне от мужа, потому что человеком Пупсик была очень хорошим и тактичным. Это раз. Вернее – два. Потому что «раз», на самом деле, принял характер практически параноидальный: Пупсику, несмотря на кристально чистый половой анамнез и мохнатые шортики во все детские, подростковые и юношеские холода, стали мерещиться неведомым образом подхваченные постыдные инфекции, подточившие её безвинное нутро. Как? Когда? Ведь нигде и ни с кем до Алёши! Равно как и после... Но мало ли? Вон в каждом глянцево-журнале что ни полоса – так реклама клиник *этого всего* и лекарств от *этого всего*! А может, Алёшенька ей изменяет? Да быть того не может, он так её любит! Да и почему мужчины изменяют? Потому что дома этого недополучают. А ему уже, пожалуй, и слишком. Он Пупсику, конечно, не отказывает, но она же замечает, что он не с таким уж и первозданным пылом её вожделеет, да и с самого начала не кидался на неё, как безумный. (К чести Алексея Михайловича надо отметить, что и вожделеет он как надо, и долг исполнял супружеский виртуознейшим образом, но половое воспитание – а главное, опыт Пупсика! – были так ничтожно малы, что оценить по достоинству его, простите за тавтологию, разнообразные достоинства она попросту ещё не могла.) Зато по рассказу соучениц по специальной школе и однокурсниц по МГИМО помнила, как мужчины *накидываются* и *овладевают*. Так, что иногда бывает даже больно. И даже далеко не в первый раз. А Алёшенька ни разу на неё не *накидывался* и не *овладевал*. И даже в первый раз ей не было больно. Она иногда (что, правда, очень редко) немного плакала в ванной, и он приносил ей туда кофе, шампанское и переживал, и спрашивал, что с Пупсиком не так? А в этом смысле с Пупсиком как раз всё было так, потому что испытывать пресловутый оргазм она начала практически сразу, в отличие от её многоопытных приятельниц. В том, что это был именно оргазм, сомневаться не приходилось, потому что во время смерти нет времени для сомнений. Прекрасной-прекрасной смерти, когда душа отлетает от тела, а по обездушенному телу идут совершенно лишённые сознания сладкие-сладкие волны и кажется, что, внезапно лишившись дыхания, ты свободно дышишь полной грудью, обездвиженный – способен на любой полёт, и сколько всё это длится – понять абсолютно невозможно, потому что интервальное время рвётся и его клочки уносятся легчайшим одуванчиковым пухом в никуда... И воскрешение твоё обнаруживается лишь по сладострастно-волнообразным снисходяще-восхо-

дящим судорогам, встречающимся где-то чуть ниже солнечного сплетения, и ухающим в объятиях друг друга куда-то в бездны низа живота, и расцветающим там диковинным фантазмагорическим, одним на двоих, свечением. Вот потому иногда Пупсик и плакала. Из-за того, что всё так неопишимо прекрасно. Хотя, конечно, иногда хотелось, чтобы *накинулся* и *овладел*. Ну, чтобы у неё тоже всё было как у всех. Чтобы опыт. И вообще, кто знает, может быть, беременеют именно тогда, когда без особого удовольствия. А для Пупсика акт любви в момент кульминации становился так самоценен, что она о зачатии не думала. Когда умираешь и воскресаешь, меньше всего думаешь о зачатии. Вообще меньше думаешь... Вообще не думаешь. Зато потом начинаешь думать, отчего это не беременеешь? Не из-за постыдной ли болезни, передавшейся, ну... например, воздушно-капельным путём. Или в туалете ресторана. Или... Неужели Алёша ей изменяет? Нет, не может быть! Почему же тогда он не *накидывается* на неё и не *овладевает* ею, а лишь долго, тщательно и внимательно ласкает и любит? Не из-за этого ли она не беременеет, а яйцеклетки всё умирают, и умирают, и умирают. Умирают бессмысленно и беспощадно, а у неё всё ещё нет маленькой девочки, которой она будет *родной* мамой!

Родная няня и женщина-мама проявили редкостное единодушие, заявив Пупсику, что она устраивает истерику на голом месте и полгода – не срок, но если уж так хочется провериться – пожалуйста, но только пусть пока ничего не говорит Алексею Михайловичу! И более знакомая с подобными вопросами женщина-мама тут же набрала номер телефона и обо всём договорилась.

Двое суток из Пупсика брали кровь, мочу, мазки на флору и какие только можно среды и секреты организма на бактериоскопические и бактериологические исследования, измеряли базальную температуру, исследовали иммунитет и гормональный профиль, рассматривали при помощи рук, зрения и сверхчувствительной современной аппаратуры и вынесли вердикт: практически здорова. И матка на месте, какой надо формы. И шейка отличная. И всяческие циклы, профили, эндометрии – всё в соответствии с канонами нормальной физиологии. Способна зачать и выносить полк или как минимум взвод. Что же делать? Да поменьше об этом думать. И – да! – вот ещё что... Супруга обследовать. Нынешнее бесплодие, знаете ли, становится всё более и более... кхм... мужественным. Мужским. Но если есть хоть один живой, бог с ней – с подвижностью, – поможем. Такие сейчас расчудесные методики... В общем, приводите! У него есть ребёнок? И давно? Ах, двадцать лет уже как! Ну, тут возможны варианты. Во-первых, ребёнок может быть и не от него, во-вторых – за время пути собачка могла поизноситься. Нервы, нервы, нервы и прочие вредные факторы. Окружающая среда. Особенно – окружающая среда давно уже половозрелых небедных мужчин. Нервная она у них, эта окружающая среда. Приводите, не переживайте, всё будет хорошо! И даже прекрасно... Гарантируем!

А как она его приведёт?

– Что я ему скажу? «Алёшенька, я обследовалась тайно, ты уж прости, так вот – я могу. А вот можешь ли ты – неизвестно. Пошли, проверим!» Да я скорее язык себе откушу, чем такое скажу Алексею Михайловичу! – рыдала Пупсик на груди у родной няни. Родная няня успокаивала Пупсика и поила её отваром корня валерианы, но ничего толкового придумать не могла, и потому они вызвали на совет женщину-маму.

– Так! – сказала народная артистка России. – Доверьте это дело мне. Когда твой муж возвращается домой?

– Завтра! – всхлипнула Пупсик. Алексей Михайлович частенько улетал по своим важным делам, чтобы, вернувшись, любить Пупсика ещё нежнее.

– Значит, обе сегодня отъезжаете в свой пентхаус, на телефонные звонки не отвечаете, вообще телефоны отключите! Двери не открываете и никак не отсвечиваете.

– У него есть ключ! – зарыдала Пупсик. – Мама, а что собираешься делать?

– Ждать тут твоего мужа. Есть ключ? Отлично! Значит, сидите и ждите, когда я к вам приеду.

Что делала чуть более знакомая с жизнью вообще и мужчинами в частности мама Пупсика, неизвестно. Только уже послезавтра она, папа-аппаратчик и муж Алексей Михайлович, шумные и весёлые, пахнувшие загородной свежестью и дорогим виски, завалились в квартиру дочери и велели той не дурить и собираться обратно, в дом к супругу.

– Нечего выдумывать, он тебе не изменяет! – громогласно завопила мама, незаметно подмигивая дочери. Та, слава богу, всё-таки играла в школьном драмкружке и потому тут же залилась горячими слезами неверия. Благо залиться слезами ей сейчас было несложно, да и оттенок неверия дался без особого труда. Папа Володя дружески хлопал приятеля по плечу (по-отечески, учитывая отсутствие разницы в возрасте, хлопать было сложно) и, как бы слегка стесняясь и признавая очевидную глупость дочерних капризов, по-мужицки правильно смущаясь, говорил:

– Да сдай ты, Лёха, эти анализы! Что ты, баб, что ли, не знаешь?! Вобьют себе чушь в голову и будут стоять на ней, как панфиловцы на высоте. Бойтся она, что ты ей изменяешь! Дура дурай. Будто тебе делать нечего, только изменять молодой жене. Они все такие! Моя мне знаешь сколько крови выпила?! Если она на гастролях – так то работа. А если я в командировку – так это, оказывается, блядки! Нечего больше нам делать, как за блядьми в другие страны летать, а то тут своих не хватает!

За виртуозно исполненную мизансцену он удостоился от супруги подзатыльника. Всё-таки чуть более знакомая со всем на свете мама была, кажется, не только прекрасной актрисой, но ещё и гениальным режиссёром.

– Не знаем мы, куда он ездит, а только у Пупсика после его приездов какие-то боли внизу живота, а у неё отродясь такого не было! – вдруг выступила скрипучим голосом родная няня. «Какой экспромт! Браво!» – взмахнула родительница Пупсика пушистыми ресницами.

– Катюша! Да что ты! Да как ты могла подумать! Да я ради тебя!.. Да любые анализы сдам, если это для тебя так важно! Да хоть на детекторе лжи!..

– Детектор лжи триппер не покажет! – гоготнул папа Володя.

– Владимир Петрович! – укоризненно молвила нянька.

– Что Владимир Петрович? Что? Я, между прочим, внуков хочу, а их лучше делать здоровым концом!

– Папа! – не вынесла Пупсик. – Ты же всё-таки мой папа!

– Потому и говорю, что твой папа, а не посторонний. Нет, я в Лёхе нисколько не сомневаюсь. За то время, что вы женаты. Но, знаешь ли, он не ангел был между первой и второй, так что...

Бедного Алексея Михайловича по началу операции спасало только состояние весьма выраженного алкогольного опьянения. После массивной психической атаки, устроенной друзьями (они же тесть и тёща) из-за того, что у их ребёнка, у их драгоценного Пупсика какой-то не то кандидоз, не то вагиноз (выдуманный мамой, разумеется), а у неё никого, кроме него, отродясь не было, разве что ангоровые рейтузы, и либо он проверяется и лечится, или конец и ему и его бизнесу, всё-таки папа в аппарате... Да вы что, обалдели?! Мы что, первый день знакомы? Да я люблю вашу дочь и никогда... Нет, ну конечно же, не никогда, но когда уже с ней, то никогда... Раньше-то, конечно, да. Вован, я же не монах, блин! Да-да, конечно же,

пойду и проверюсь! Нет-нет, конечно же, не ей одной через унижения и всё такое... Да где моя жена, чёрт возьми?! Даю я вам любое слово, только отдайте мне моего Пупсика!

В общем, выпили, закусили, ещё выпили. Вспомнили былое, посидели-погуляли да за «капризным больным дитятей» поехали. В особняк возвращать, к мужу. Совместными усилиями.

Ну а раз уже пришёл анализироваться, то отчего бы и спермограмму не сдать? Да ради бога! Врач такой ласковый, внимательный и убедительный тем более...

Но и у Алексея Михайловича всё оказалось тип-топ. Может все острова Тихоокеанского архипелага заселить, если после катаклизма на Земле только туземные женщины останутся.

Врачи супер-пуперцентра руками развели, мол, ничего не понимаем, но полгода, несмотря на пересмотренные временные нормы постановки диагноза семейного бесплодия, – не срок. Пусть всё-таки полтора-два пройдёт, тогда будем глубже копать, хотя глубже уже некуда.

– А ещё лучше вот что, – сказал маме Пупсика после получения автографа на фотографии ведущий специалист бластного учреждения, – пусть ваша Екатерина Владимировна перестанет об этом думать. Плюнет слюной. Вообще забудет о детях. Надо её чем-то отвлечь.

На день рождения Пупсику подарили щенка. Он рос не по дням, а по часам и больше всех любил родную няню. А Пупсик плакала по ночам над грудой использованных тестов на беременность, единогласно показывавших отрицательный результат.

– Её надо заинтересовать чем-то таким... Более или хотя бы таким же для твоей Кати значимым. Потому что это уже не физиология, а психика. Патологическая доминанта, понимаешь? «Не думай о красной обезьяне!» Если совсем уж популярно... Есть у неё какая-нибудь мечта, кроме *этой*? – спрашивал всё ближе знакомившуюся с ним маму Пупсика красивый фигуристый ведущий специалист по репродукции.

– Так! – ответила народная артистка России. – Доверь это дело мне. – Она поцеловала ведущего специалиста, выскочила из постели и, с чувством продекламировав:

Нет, гордость глупая, прости, —
Любовь на всё пойти способна,
И я не побоюсь позора;
Но способ я и так найду
Уладить новую беду, —
...унеслась в душ.

– А это из какой роли? – пробурчал себе под нос и наморщил лоб ведущий специалист, интересовавшийся поэзией и драматургией куда больше мужа-аппаратчика.

– Диана. «Собака на сене». Лопе де Вега, – донеслось из ванной комнаты.

– Ах, ну да! – и он блаженно откинулся на подушки.

После чуть не два часа такая неожиданная и многогранная мама висела на телефоне, попивая кофе, сваренный ведущим специалистом, то по-голубиному воркуя, то по-тигриному рыча в трубку.

Всё-таки, видимо, не зря её, эту иногда и вовсе незнакомую маму, до безумия любил папа Владимир Петрович, и родная няня, и домохозяйка, и ведущий специалист, и многие и многие до него, и щенок Пупсика, и восторженные поклонники, и дочь, чего уж там греха таить!

– Завтра придёшь на пробы! – строго сказала она своему неразумному Пупсику. Далее назвала номер павильона и фамилию известного всей стране режиссёра.

Пупсик утратила дар речи.

– Ничего не гарантирую. Наверняка провалишься. Кино – не театр, надо, чтобы камера любила. А уж телесериалы – это тебе не полный метр, да и операторская работа и близко не та! – пренебрежительная мама обречённо-брезгливо махнула красивой ручкой на заведомо провальное мероприятие.

Пупсик шлёпнулась на диван рядом с такой же онемевшей и шлёпнувшейся родной няней. К ним проковылял и тоже шлёпнулся щенок и с интересом заскулил.

– А впрочем, чего только в природе не бывает?! Взять того же утконоса!

– Мама, у меня же нет профильного образования! – наконец отмерла Пупсик.

– У Мэтта Дэймона тоже! – отрезала высокомерная мама. – Особо, разумеется, не надейся, но плюс в том, что на главную роль в этом сериале нужна молодая толстая корова. Ты идеально подходишь. Так что шансы есть. Ничтожные, но есть!

Иезуитская мама лгала. Шансы Пупсика равнялись ста двадцати из ста. Потому что её знаменитая мама уже дала согласие на своё участие в первых десяти сериях (и это при её-то презрении к телесериалам!), если её дочь будет утверждена на главную роль. Режиссёр с радостью пошёл на подобное условие, потому что кто там этих молодых запоминает, «главные» они – очень условно, а звезда такого масштаба, как обворожительная и бесподобная мама Пупсика, – это джекпот! Это лучший канал, это самый-самый прайм-тайм, это рекламодатели, рейтинги и прочие лавровые ветви в клювиках шоколадных голубей. «Как вам удалось уговорить великую N участвовать в вашем телепроекте?! Она же всем известна своей открытой неприязнью к данному виду искусств и не раз называла его «фастфудом для нищих духом!»» – уже чудились ему в каждом углу восторженно вопрошающие журналисты. «Хотите верьте, хотите нет, она сама вышла на меня, хотя подготовка к съёмкам держалась в строжайшей тайне, и захотела попробовать... На общих основаниях. Она даже снялась в «пилоте». И работа так затянула её... Новый опыт... Режиссёрское воздействие... Брать пример...» И прочие благоглупости уже во множестве роились в режиссёрской голове. Да и спонсоры на такую величину попрут, как ночные бабочки на прожектор! Слава богу, у них с дочерью разные фамилии. Ничего, не первая протекционистская бездарь и, увы, не последняя.

На пробы Пупсик явилась непричёсанная, потная, с разнонакрашенными глазами, в салатовом сарафанчике и розовых туфлях. Он, конечно, не ожидал, что перед ним предстанет Софи Лорен или, на худой конец, Вупи Голдберг, но это было что-то из ряда вон выходящее даже для бездари! У неё так тряслись руки, что он бы пепельницы выносить или кофе подносить такой особе по доброй воле не доверил! Ассистенты разбежались прыскать по углам. Ему отступить было некуда. Репетируя с ней сцену, он пришёл в ещё больший ужас. Загодя утверждённая претендентка на главную роль краснела, отводила глаза, интонации её были безжизненны, а голос тих и невнятен... Надо было отснять хоть какой-нибудь материал и показать его фокус-группе и спонсорам... Фиаско! Полное фиаско, и ни одна, пусть и самой крупной величины, звезда *это* не спасёт. Пока оператор налаживал аппаратуру, режиссёр придумывал возможные пути отхода. Единственно разумным представлялось просто показать отснятый материал

гениальной мамаше этого выдающегося в своей бездарности чуда. Она баба умная. Поймёт без слов. На фотографиях эта пухлая девица выглядела куда вменяемее. Вполне сносно и терпимо. И даже казалась вполне телегеничной. В жизни же – буратина буратиной. Такой дай команду: «Шагом марш!» – так она на месте и рухнет, потому что забудет, как ходить!

В общем, после команды «Мотор!» режиссёр судорожно вцепился в лысину и, собрав волю в тугой побелевший кулак, заглянул в объектив...

И ближайшие пять минут не мог глаз отвести!

Пупсик была гениальна! Все присутствующие в студии созерцали действие, отвиснув челюстями, а у одного из ассистентов сигарета сотлела вместе с губой. Он прегромко ойкнул, и в этот момент вся публика, выйдя из анабиоза, разразилась восторженными аплодисментами.

Есть люди, на которых любовь оказывает магическое действие. Жил-был себе обыкновенный человечешко – и вот случилось! – полюбил. Всё. Он уже не серое нечто (или серое ничто – как вам больше нравится), а сверхновая. От него может подзарядиться энергией средних размеров галактика. Он встаёт с дивана и идёт в спортзал. Начинает читать Владимира Маяковского и понимать генез его всепоглощающего чувства к Лиле Брик. Человечешко уже не тварь дрожащая, а Человек, и он увольняется с предыдущей работы и кардинально меняет жизнь. Не сам – любовь изменила его. Не он изменил жизнь – его жизнь подменила любовь, и нет в мире подмены сладостнее, возвышеннее, благороднее и благодатнее. Встаёт, читает, увольняется он, конечно, самостоятельно, но биохимию его крови изменила любовь.

Ради любви мужчина способен на финансовые подвиги, а женщина – на похудение. Разве есть хоть что-нибудь, способное бездаря и лентяя заставить заработать на хлеб насущный, а толстушку – от куска свежей кулебяки отказаться? Есть. И это «что-нибудь» – не что иное, как любовь!

Есть люди, чью жизнь изменил диагноз, – вспомните хотя бы Энтони Берджеса! Не помните? Напоминаю: у сорокалетнего школьного учителя нашли неоперабельный рак и дали год жизни. Его мало беспокоила опухоль – он переживал о судьбе жены и дочерей, в случае его смерти остающихся безо всяких средств к существованию. Заработать деньги он решил, написав роман за отведенный ему срок. Да не просто роман – мало ли графоманов и прочих высокодуховных личностей, для которых гипотетический пресловутый «успех» априори дороже зримых чувств, очищающих душу переживаний и неукротимой воли сделать всё как должно, а не как мнится. Возможно, вы не помните имени Энтони Берджеса, но словосочетание «Заводной апельсин» скажет вам о многом. Во всяком случае, должно, особенно если в вашем доме вдоволь хотя бы колбасы, если уж не трюфелей. Так вот, он написал и продал. По книге сняли фильм. Автор же, на исходе отпущенного, принял на грудь для храбрости и пошёл сдаваться эскулапам. Те немного обалдели и тоже наверняка приняли для душевного равновесия – потому как не обнаружили у восходящей звезды мирового литературного небосвода ни одной атипичной клетки, никакого сапсег. «Такие дела», – не смог бы тут не вставить ещё один прижизненный классик².

Вам уже кажется, что автор злоупотребляет лирическими отступлениями? Да и при чём здесь подобные сравнения и примеры! Любовь что – диагноз?! Не торопитесь. Насчёт лирических отступлений могу только сказать, что мало вы читали в детстве Диккенса и Теккерея. А любовь и диагноз тут очень даже при чём. Потому что заплодировали и захлопали Пупсику именно потому, что любовь к ней камеры была так же сильна, как и любовь Пупсика к

² Курт Воннегут.

камере. И эта взаимность вполне себе претендовала на диагноз. При чём здесь Энтони Берджес с его «Заводным апельсином»? При том, что идиопатическое бесплодие Пупсика очень скоро прошло, как не бывало. Но об этом позже. Вернёмся, пожалуй, в павильон, где проходят пробы, пока вы не распяли автора в качестве расплаты за неуместные, на ваш взгляд, буффонады между сценами основного действия. (Кстати, почитайте уже наконец Чарльза Диккенса и Уильяма Теккерея! Из первого рекомендую «Посмертные записки Пиквикского клуба», а из второго – «Ярмарку тщеславия». Автора же распинать не торопитесь – ещё не раз почувствуете такое желание. А желание сильнее его исполнения. Берегите дао!)

Пупсик была гениальна! Все присутствующие в студии созерцали действие, отвиснув челюстями, а у одного из ассистентов сигарета сотлела вместе с губой. Он прегромко ойкнул, и в этот момент вся публика, выйдя из анабиоза, разразилась восторженными аплодисментами.

Спросите, откуда что взялось?! Осанка. Сценическая речь. Актёрское мастерство, что превыше самой реальности! У каждого есть свой пусковой механизм. Для Пупсика таковым случился объектив камеры. Она любила его, ненавидела его, обращалась к нему, гневно воздевая руки, и смиренно краснела перед ним, опуская глаза. Для многих из нас (во всяком случае – для меня) подобный феномен необъясним и сродни чуду, потому что большинству из нас разговаривать с живыми людьми проще, чем с объективом, как проще же любить и ненавидеть живое, чем равнодушную радужно поблескивающую линзу.

Для самой же Пупсика, как только она узрела свою первую, последнюю и единственную настоящую любовь – объектив, – внезапно перестала существовать реальность, данная нам в ощущениях. Люди растворились и стали такими же фоновыми, плоскими и незаметными, как рисунки на обоях её детской комнаты – немые, равно бездушные к триумфам и провалам свидетели её не раз уже сыгранных пьес.

Пупсика утвердили на роль.

Дальнейшее развитие событий лишь убедило режиссёра в своём (ну а как же!) нечеловеческом чутье. «Пилот» сериала был принят «на ура» и отнюдь не из-за «народной» мамы. Спустя пару месяцев милая мордашка Пупсика была ничуть не менее известна, чем аристократический лик её родительницы. Если не более – в среде молодёжной целевой аудитории, разумеется. (Для начала.) Вся съёмочная группа обожала Пупсика, потому что она была некапризна и не только не гоняла ассистентов за чашкой кофе, но и была готова безропотно готовить его сама всем присутствовавшим на площадке. Прима без стигм примы. Звезда без «звездяка». Сокровище. Ангел. Гений.

Даже самые злые языки, смеющие утверждать, что Пупсик получила роль только благодаря протекции, умолкли быстрее, чем гаснет спичка на ветру. Мама в приватной беседе призналась няньке, что и на старуху бывает проруха и лицом к лицу лица не увидать, грешна! Но рада, очень рада, что всё так вышло. Взрослый муж Алексей Михайлович был счастливым счастьем Пупсика. Познакомившаяся со столь неожиданной стороной натуры своей взрослой дочери знаменитая мама спокойно занялась театром и долгим, уютным, почти семейным романом с акушером-гинекологом, специализировавшимся на репродуктологии. Владимир Петрович был счастлив тревожными буднями аппарата. Родная нянька обеспечивала быт Пупсика лучше любой домработницы, кухарки и дуэньи, вместе взятых, став заодно и костюмером, и гримёром, и секретарём, и ассистентом режиссёра, покруче самого режиссёра покрикивавшим на нерасторопных неумех. Сама же Пупсик, как и прежде, была очень хорошей и доброй чуть пухлой девушкой, разрывавшейся теперь между съёмками сериалов, интервью и фотосессиями для журналов, какими-то полусветскими-полублаготворительными вечеринками, заучиванием

текстов, любимой собакой и супружескими радостями. Она была законченно, абсолютно счастлива и забывала иногда обо всём на свете, кроме возлюбленных объективов камер. О том, что это была за девушка, дополнительно поведает вот ещё какой факт: когда Пупсик узнала, что ей за счастье быть собой ещё и платят деньги (да всё больше и больше), то долго не могла в это поверить и уточняла у режиссёра, нет ли тут какой нечаянной ошибки. После этого прежде злые языки вновь загомонили, но уже почти по-доброму, ласково называя Пупсика «блаженной душой». Возможно, кто-либо и мог заподозрить её во вранье и в позе, но только не те, кто видел как её абсолютное бескорыстие в жизни, так и расчётливую аферистку – на экране. Когда весь свой гонорар за участие в очередном сериале Пупсик отказала какому-то фонду, ратовавшему за что-то там для сирот, жёлтая пресса разразилась версиями на предмет того, как звёзды уходят от налогов. Ближко знающие Пупсика лишь печально вздыхали, удивляясь человеческой гнуси и неверию (забывая о том, что сами частенько бывают неверящими злоками).

Пупсик нашла себя. У неё было всё для счастья – любимая работа, любимый муж, любимый дом, любимая квартира (уединившись в которой можно было спокойно выучить роль, беря с собой пса для поглаживания), любимые родители и любимая родная няня. О том, что она сама ещё так недавно страстно желала стать родной матерью, она и думать забыла.

Как-то утром, вернувшись после краткого двухнедельного отдыха (по ультимативному настоянию Алёши) на каких-то островах в каком-то океане, Пупсик почувствовала себя нехорошо и даже извергла из себя скудный завтрак. (За прошедший в бесконечных съёмках год она похудела, стала очень внимательно следить за своей фигурой и уже не позволяла себе сдобы, а только и только полезные сухарики, да и то ржаные.)

– Пупсик, всё в порядке?! – в дверь ванной комнаты аккуратно поскрёбся счастливый Алексей Михайлович, причастившийся молодой жены во время совместного отдыха по полной, навёрстывая упущенное.

– Да, милый. Скорее всего, перемена климата, перелёт... Всё в порядке! – бодро заверила Пупсик и ещё раз вырвала.

Потом ещё раз. И ещё раз. И мамин репродуктолог с удовлетворением заочно поставил Пупсике диагноз: «Ранний токсикоз». Почему с удовлетворением? Ничто не удовлетворяет нас так, как собственная безошибочность. Именно он, помнится, понял, что так называемое «идиопатическое бесплодие» этой семейной пары связано с тем, что у одной из половин сформировалась патологическая доминанта, заикленность. Именно он посоветовал разорвать эту порочную закрученность идеи на самую себя, сформировав у Пупсика новые цели и задачи, новые стремления, новую любовь к новым идеалам.

– Да ну! – отмахнулась от него любовница.

– Не «да ну!», а скоро станешь бабушкой! – довольно заржал он и протянул знаменитой даме своего большого, но скромного сердца запечатанную упаковку с тестом на беременность. – Мажем?!

В тот же вечер Пупсик, лишь бы назойливая мама отвязалась, помочилась на глупую бумажку, близнецы которой не так давно ежемесячно отравляли ей жизнь.

– Сейчас же вечер! – улыбалась она, помахивая маленьким гламурным пластиковым футлярчиком, в который продвинутые производители упаковывают самые обыкновенные бумажные полоски, пропитанные реагентом, повышая этим стоимость копеечной продукции в десятки раз. – А во всех тестах на беременность строго-настрого рекомендуется использовать только утреннюю мочу.

– Глупости! – фыркнула поднаторевшая в подобных вопросах за год связи с репродуктологом актриса. – Хорионический гонадотропин или есть, или нет. Просто концентрация его по утрам немного выше. Так что если плодное яйцо уже есть, то утренняя моча или вечерняя – всё равно. И скажи мне, пожалуйста, зачем ты им у меня перед носом раз...

– Мама! – перебив, ахнула Пупсик, уставившись на проявившийся результат. И, кажется, в данном случае сей возглас значил не обращение, а удивление, оторопь и прочие нарицательные применения этих двух слогов.

– Что? Да?!

– Да! – отчаянно вскрикнула Пупсик.

– Чёрт! Пропорчила!.. Так я не пойму, ты что, не рада?

– Рада, конечно же, но я только что подписала контракт на съёмки в одном сериале, причём в роли, совершенно не предполагающей подобного положения.

– Под тебя, под твоё имя любой сценарий переписут! – с уверенностью сказала хорошо знакомая с подобными делами мама. – Кого ты там играешь?

– Следователя прокуратуры, – уныло поведала Пупсик. – Ты где-то видела беременного следователя прокуратуры?

– Я даже небеременного следователя прокуратуры не видела, тьфу-тьфу-тьфу. Только генерального прокурора в компании с Вованом. И – знаешь? Он вполне бы мог сыграть беременного! – хохотнула знаменитая мама и налила себе на два пальца виски. – Когда сообщишь Алексею Михайловичу?

Пупсик ничего не ответила маме, потому что побежала в туалет и пробыла там достаточно долго.

Ранний токсикоз быстро минул. Алексей Михайлович был очень доволен. Мама снова предпочла на некоторое время стать малознакомой женщиной-мамой – мавр сделал своё дело, теперь мавр может делать только свои дела. Родная няня стала агрессивной, как Мамушка Скарлетт О'Хара, разгоняла дым на съёмочной площадке и шипела на любителей обценной лексики, хотя в доме Владимира Петровича и не к такому привыкла. Куда там богеме до аппарата в искусстве виртуозного мата. Сценарий действительно переписали, и бодрый следователь прокуратуры на сносях разъезжал по местам преступлений, шупал трупы и подвергался разбойным нападениям. Финалом были запланированы съёмки непосредственно в родильном зале. Не самого процесса, конечно же, а счастливой новоявленной матери-следователя и её здорового, несмотря на все тяготы и лишения следовательской службы, карапуза. Алексею Михайловичу эта идея была оч-чень не по душе. Потому как карапуза этого режиссёр ещё хотел запечатлеть на руках, понимаете ли, мужа. Но не мужа Пупсика, а сценарного мужа следователя прокуратуры, который и по роли был полным рефлексирующим ничтожеством, да и по жизни у Алексея Михайловича вызывал чуть ли не мигрень. Настоящий, не телевизионный муж Пупсика вообще поначалу был категорически против съёмок в таком интересном положении. Что это за ерунда?! Пусть на кусок хлеба зарабатывают вечно нищие актрисульки-брошенки, его-то Пупсик тут при чём и зачем?! Но репродуктологическое светило убедило Алексея Михайловича в том, что лиши он сейчас Пупсика её любимого дела, её желанной игрушки – привет! – ранние токсикозы, поздние гестозы и всякие прочие фетоплацентарные недостаточности от тоски и бездействия будут обеспечены, как здарсьте! Чем меньше беременная заиклена на беременности – тем лучше. Во всяком случае, здоровая беременная. А Пупсик, по данным всех мыслимых и немыслимых обследований, таковой и являлась. Прямо хоть курсантам, повышающим квалификацию, её показывай как раритет. Если бы не эти съёмки – никто не дал бы гарантии, что рвота беременных не превратилась бы в чрезмерную рвоту беременных. И так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.